

5 1401
Северо-Кавказский институт краеведения

W 352
391

Г. К. МАРТИРОСИАН

Ассистент Горского Сельско-Хозяйственного Института

801-15
604

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ
НА ТЕРЕКЕ

ВЛАДИКАВКАЗ
Типография Ингушии „Свет“
1925

Печатается согласно постановления Совета Северо-Кавказского
Института Краеведения.

Директор *Н. В. Виддинов.*

2007332848

ОТ АВТОРА

Выпуская в свет „Социально-экономические основы революционных движений на Тереке“, автор считает необходимым предпослать своей работе несколько слов.

Автор поставил себе цель—дать анализ социально-экономической обстановки края, которая служила почвой для развернувшихся в бывшей Терской области революционных движений 1905 и 1917 годов.

Предлагаемый вниманию читателя труд касается национального вопроса в дореволюционной России, дает характеристику краевых администраторов, останавливается на аграрном вопросе, принявшем здесь острую форму, рисует, наконец, картину положения трудящихся в городах.

Таковы основные вехи работы.

Материалы, заключающиеся в ней, относятся не только к периоду до 1905 года, но и к следующим за этой гранью годам.

Конечно, наш труд не претендует на полноту материала.

Однако, и те документы, те факты, которые приведены в работе, дают достаточно выпуклое представление о социально-экономических основах революционных движений на Тереке.

И если нам удалось посылно осуществить намеченную нами цель—представить анализ социально-экономических предпосылок революционной динамики на Тереке, то мы сочтем свою задачу выполненной.

Что касается летописи революционных движений в пределах Терского края, то автор предполагает дать ее в особой работе.

Труд печатается на специально отпущенные нам Главнаукой средства.

Автор.

I.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Больная страна.—Петербург и народы б. Российской империи.—
Положение окраин.—Еврейский вопрос.

Гоголь как-то прочел Пушкину свои „Мертвые души“
в рукописи.

— „Когда я—говорит Гоголь—начал читать Пушкину
первые главы, то Пушкин, который всегда смеялся при
чтении моих (других) произведений, теперь начал понемногу
становиться все сумрачнее и, наконец, сделался совершенно
мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом
тоски:

— „Боже, как грустна наша Россия“.

Оба корифея русской литературы видели в русской
жизни „что-то чудовищно-мрачное“, и им было, по выра-
жению Гоголя, „как-то необъяснимо страшно“.

В самом деле, когда мы оглядываемся назад, в дале-
кое минувшее нашей многострадальной страны, когда мы
бросаем внимательный взгляд на ее недавнее прошлое, то
мы видим этот грустный лик больной России.

Народ веками страдал под гнетом самодержавия.

После каждого порыва народа к воле наступали пе-
чальные годы, и жизнь останавливалась или шла назад.

И ослепленное мраком невежества многомиллионное
население напоминало могучего, но слепого библейского
Самсона.

После манифеста 19 февраля 1861 года друзья свободы
говорили:

Дню вчерашнему забвенье,

Дню грядущему привет!

Но грядущие дни оказались невеселыми, скучными.
Это были сплошные сумерки. Не даром Некрасов, печальник
народного горя, писал:

Знаю: на месте сетей крепостных
Люди придумали много иных.

Реакция пустила глубокие корни.

Жизнь медленно умирала...

В 1905 году показался ясный день. Но он держался недолго. Снова, после политической оттепели, настала серая слякоть.

Густой, непроницаемый туман окутал Русь, превратив ее в пустыню тьмы, в „ степь неоглядную, глушь безответную, даль безотрадную“...

Нет в этой дали ни кустика зелени,
Все то зачахло да сгибло без времени,
Спит точно мертвое, спит, как убогое,
Солнышком божьим навеки забытое.

Тоскливо было в этой пустыне. Река жизни текла здесь под мертвый звон цепей, оглашавший путь борцов за свободу—к далеким, холодным тундрам Сибири.

И невольно вспоминаются слова Некрасова, с которыми он, в отчаянии недоумения обратился к русскому народу:

Ты проснешься-ль исполненный сил,
Иль, судеб повинясь закону,
Все, что мог, ты уже совершил,—
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил.

Однако, с этими же, полными скорби, словами можно было бы обратиться ко всякому народу, входившему в состав бывшей Российской империи, ибо песни, подобные стону, раздавались не только на русской равнине, но и по всему широкому лицу России—„от финских хладных скал до пламенной Колхиды“.

В России был всегда целый дремучий лес национальных вопросов: финляндский, польский, еврейский, украинский, грузинский, армянский, белорусский и т. д., и т. д.

Несмотря на это, с разрешением национального вопроса не торопились.

О Польше правые говорили:

— Вопрос о польской государственности, иными словами, о воскрешении Польши, как государственной самостоятельной или автономной единицы,—вопрос праздный, вопрос для мечтателей и фантазеров.

И Польша долгое время представляла из себя 10 губерний России.

Так же обстояло дело с Финляндией. Александр I, в своем манифесте от 5 июня 1808 г. о присоединении Финляндии, обещал „хранить сие достояние, промыслом нам врученное, во всей его незыблемости“. Но торжественное обещание осталось неисполненным: сейм Финляндии представлял собою лишь совещательный орган, тогда как каждый финляндец хорошо понимал, что сейм имел право законодательствовать.

Перейдем к положению евреев в России. „Еврейский вопрос,—читаем мы у проф. Н. А. Гредескула, ¹⁾—как на это указывал еще покойный Чичерин, в сущности, самый простой национальный вопрос в России, и это потому, что евреи, не занимая нигде сплошной, только ими заселенной территории в государстве, не выдвигают никаких „автономических“ требований. Их желание одно—избавиться от того средневекового положения, в которое поставлены они одни в России: получить гражданское равноправие“.

Еврейский народ выносил на себе все виды правительственного гнета. Кому неизвестны пресловутые „черта оседлости“, „процентная норма“ для евреев при поступлении в высшие учебные заведения и целый ряд иных правовых ограничений.

„Мне в ноябре 1905 года—пишет Григорий Петров ²⁾—в Москве случилось быть в учредительном собрании союза 17 октября. Там нашлись люди, которые закричали:

— Вся смута от инородцев. Инородцы хотят погубить Россию.

Все было забыто: и народное невежество, и народное вековое бесправие, и разорение России, и позор ее, и Цусима, и Мукден. Все было сведено на инородцев. Все-де они губят Россию. Не будь их,—в России было бы райское житье: и народ был бы учен, никто не голодал бы, никого бы не драли плетьюми, никого бы не вешали.

— Все от инородцев,—кричал один оратор.—Это они подняли революцию. Поляки и евреи. Евреи пуще всего. Их надо сокращать.

¹⁾ Проф. Н. А. Гредескул. Россия и ее народы. Петр., 1916 г.

²⁾ Гр. Петров. По совести. СПб., 1908 г.

Тогда основатель союза 17 октября А. И. Гучков и тот не выдержал. Вышел на кафедру и сказал:

— Так просто решать вопрос о русской революции, что-де она—дело рук поляков и евреев, нельзя. Тут много особых крупных причин. А что в движении, в борьбе за право инородцы, и поляки, и евреи, действуют особенно горячо, так и это естественно. Представьте большую кучу людей. На самом верху лежат дюжий жандарм и толстый урядник. Под ними русский обыватель. Ему, конечно, тяжело и он хотел бы высвободиться из под гнета. Но русский лежит под жандармом и урядником не один. Под русским лежит поляк, дальше армянин, грузин, финляндец, белорусс, малорусс и т. д., и т. д., и в самом уже низу—еврей.

— Скажите,—спрашивал А. И. Гучков слушателей,— кому тяжелее всех в куче и кто больше всех должен стараться, чтобы выбиться на свободу?

Несмотря на ясность, несложность еврейского вопроса,— тем не менее он продолжал все же держаться некоторое время после февральской революции 1917 года (в частности кое-где на Тереке). ¹⁾

Об эпохе Деникина и говорить не приходится. Тут еврейский вопрос снова стал во всей своей остроте. ²⁾

¹⁾ См. мою статью „Вековечный ответчик“. Газ. „Терек“ от 17/IX 1917 г., № 5929.

²⁾ См. мою статью „Еврейский вопрос“. Журн. „Кооперативная мысль“. 1919 г., № 9.

II.

КРАЕВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ.

Кавказ под гнетом бюрократии.—Кн. Голицын.—Закрытие национальных школ.—Захват армянского церковного имущества.—Отношение к развитию культурности и самодеятельности у кавказских народов.—Кровавые игры.—Кавказский запрос в Государственной Думе.—Терская администрация.—Член Гос. Думы Гайдаров о положении горцев.—Политика „разделяй и властвуй“.—Произвол.—Пуришкевич о терских администраторах.—Преступный элемент у власти.—Бесплодные стремления масс к свету.—Бездорожье.—Отсутствие агрономической помощи населению.—Вопрос о земстве в Терской области.

Обратимся теперь к Кавказу.

Что мы видим тут?

Грузия присоединена была к России при Александре I, в 1801 году. Царь обещал учредить здесь „правление, которое могло бы утвердить правосудие, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона“.

Так было в официальных грамотах.

В действительности же правительство систематически расхищало национальное достояние, обращало государственные земли в удельные, вводило повсюду институт всякого рода урядников, уездных начальников.

— „Когда переполнялась чаша народного терпения—говорит Н. Н. Пчелин¹⁾—начинали усмирять непокорных. Стыдно читать отчеты об усмирениях 1905 года. Это какое-то безумие, ужас—убийства, насилия женщин. Даже монастыри не могли укрыть несчастных грузинских девушек от шаек пьяных прислужников самодержавия“.

Вот, например, образец политики, проводившейся кавказской администрацией.

Наместник Кавказа кн. Голицын так выразился об армянском народе:

¹⁾ Н. Н. Пчелин. Почему императорская Россия боялась окраин. Москва, 1917 г.

— „Я успокоюсь только тогда, когда в тифлисском музее будут показывать чучело армянина в подтверждение факта, что жили когда-то и армяне на Кавказе.“¹⁾

После этого мы нисколько не удивимся той административной вакханалии, которая всячески стремилась вырвать с корнем лучшие цветы кавказской жизни.

Известный историк и публицист проф. А. К. Дживелегов²⁾ в своей книжке „Армяне в России“ пишет: „Край постепенно пополнялся сыщиками и шпионами, которые выслеживали крамолу и сепаратизм среди армян, а если не находили ни того, ни другого, недолго думая сочиняли факты. Провокаторы втирались повсюду, делая свое темное дело и доставляя администрации материал для ее предприятий“.

Таким материалом служили сочинения о том, что армяне мечтают создать „армянское царство до Ростова“, что в школах ведется противоправительственная пропаганда, что армянская церковь, символ нации, все теснее связывается с армянским обществом.

На основании этого „материала“ и проводили в жизнь широко задуманный план руссификации, закрывали школы с конфискацией их имущества, всячески преследовали печать, чинили всевозможные препятствия армянам к занятию каких бы то ни было государственных должностей, закрывали даже благотворительные общества, отбирали имущество армянских церквей.

В упомянутой книжке А. К. Дживелегова мы находим множество фактов, иллюстрирующих политику кавказской бюрократии по отношению к армянскому народу.

В области руссификации выдвинут был, между прочим, такой проект: отобрать в казну имущество закрытых армянских школ и на эти средства открыть русские правительственные школы, куда можно разрешить прием и армянских детей, но с тем, чтобы обучение происходило на русском языке.

Проект одобрили в Тифлисе и в Петербурге. В 1885 году закрыто было пятьсот школ. Тридцать тысяч учащихся и 900 учащихся оказались выброшенными за борт культуры. Частью армянские школы были открыты в 1886 году, а по-

¹⁾ Гр. Чалхушьян. Армянский вопрос в России. Ростов на Дону. 1905 г.

²⁾ А. К. Дживелегов. Армяне в России. Москва, 1906 г.

сле смерти католикоса Макария VI, в 1896 году, школы были закрыты совсем. Затем закрыли армянские благотворительные организации и задавили армянскую печать.

„За благотворительными обществами—пишет А. К. Дживелегов—последовали армянские библиотеки-читальни. Они были признаны лишними и вредными. Для армян, лишенных возможности покупать книги, чтение их было признано опасной для государства роскошью. Но этого было мало; армянские книги все же читались. Это также было „вредно“. В 1900 году было закрыто армянское издательское общество, годовой бюджет которого не превышал 5.000 рублей, и которое за свое двенадцатилетнее слишком существование не выпустило и 200 названий. Из изданных им вещей притом большинство были мелкие брошюры беллетристического характера: главная часть их была—переводы иностранных и особенно русских классиков. Тогда дело дошло до периодической печати“.

Армянская церковь также оказалась в поле зрения Голицына.

Благодаря его стараниям, 12-го июня 1903 года появилось высочайше утвержденное положение комитета министров, по которому у армянской церкви отнималось право свободного распоряжения ее имуществом и передавалось администрации. „Положение 12 июня 1903 года—читаем мы у того же автора—было продиктовано одним только соображением: недоверием к армянам, боязнию роста культурности и самостоятельности у армянского народа. Ни школ, ни церкви не тронула бы чиновничья рука, если бы администрация не знала, что эти два учреждения поддерживают национальное самосознание в армянах“.

В Архивном Бюро Северо-Осетинской Автономной Области мы нашли весьма интересный документ—письмо помощника по гражданской части наместника на Кавказе временному генерал-губернатору Терской области А. С. Михееву, которое является яркой иллюстрацией отношения кавказской администрации к развитию культурности и самостоятельности у народов Кавказа.

Письмо помощника по гражданской части наместника на Кавказе от 18 ноября 1908 года временному генерал-губернатору Терской области А. С. Михееву.

*„Милостивый Государь,
Александр Степанович!*

По имеющимся сведениям, армянские культурно-просветительные общества на территории Кавказского края действуют, по большей части, совместно с таковыми же мусульманскими и грузинскими, и в настоящее время весь Кавказ покрыт сетью учреждений этих обществ в виде школ, приютов, народных университетов, читален, библиотек, народных аудиторий, артистических трупп и даже театров и клубов. Почти вся периодическая пресса и книгоиздательства как на русском, так и на туземных языках, также находятся в их руках. Цель обществ—дать развитие и воспитание всей массе населения Кавказа в духе национально-социалистическом, согласно политических программ партии „Дашнакцутюн“, социал—демократов, фракции „большеви́ков“ и „Сакартвелло“, которые стремятся к образованию независимой Кавказской Республики на федеративных началах или же, за последнее время, к присоединению к Турции в качестве автономных провинций. Кроме того, общества эти, имеющие во главе преимущественно членов одной из вышеозначенных революционных организаций, стремятся через посредство последних доказать на деле если не вред, то бесполезность русской правительственной власти и, вместе с тем, захватить в свои руки, помимо воспитания и просвещения, также и управление и защиту интересов населения.

Сообщая об изложенном, имею честь просить ваше превосходительство не отказать сообщить мне о том, имеются ли во вверенной вам области культурно-просветительные общества, подтверждаются ли приведенные выше сведения какими-либо фактическими данными и какими именно, а также прошу ваше превосходительство учредить наблюдение за деятельностью этих обществ, дабы они не выходили из пределов предоставленного им по закону круга действий.

Примите уверение в искреннем моем уважении и совершенной преданности“.

Генерал-губернатором сделано было следующее распоряжение: „Предписываю по получении передавать настоящее требование из станицы в станицу, а мне экстренно доносить, имеются ли в станицах подобные культурно-просветительные общества“.

В ответ на это посыпался ряд рапортов о том, что в такой-то станице никаких культурно-просветительных обществ не существует.

Атаман станицы Михайловской в своем рапорте написал: „во вверенной мне станице культурно-просветительных обществ в виде школ, приютов, читален, библиотек, театров, клубов и т. п. учреждений армянских, мусульманских и грузинских не имеется, и о появлении таковых в будущем мною будет учрежден особо бдительный надзор за правильностью действий таковых“.

Атаман станицы Ардонской сообщил, что в его станице армянских культурно-просветительных обществ нет.

Атаман же станицы Карабулакской пишет: „Доношу, что в ст. Карабулакской преступных партий, обществ и союзов не имеется“ (Ист.-рев. архив, дело № 8).

Таким образом, национальные культурно-просветительные общества были приравнены к преступным организациям. Правда, письмо это помечено 18-м ноября 1908 года, но нет никакого сомнения, что в нем очень выпукло отразилась старая, традиционная, исторически сложившаяся политика кавказской администрации.

Нужно заметить, что кавказская администрация не ограничивалась проведением в жизнь мероприятий по уничтожению армянской или иной национальной культуры.

Она устраивала иногда кровавые игры. Так, в 1905 году местные власти создали армяно-татарскую резню в г. Баку, в Нахичевани и его уездах, погромы в Эривани, в Шуше, в Елизаветполе и др. пунктах, населенных армянами и татарами. В результате оказалось много жертв с одной и другой стороны.

Не подлежит никакому сомнению, что эти побоища и погромы организованы были местными административными органами. Факт этот в свое время с достоверностью был установлен.

„Армяне,—пишет проф. Н. А. Гредескул в своей книге: „Россия и ее народы“,—как и грузины, как и другие народности в России, не мало страдали от наших притеснений, одно время—при Плеве—сильно обострившихся, но все это не оставило злых чувств к нам в армянской народной психологии“.

Деятельность кавказской администрации, а также тяжелое правовое и экономическое положение народностей, населяющих Кавказ, весьма ярко было освещено в течение обсуждения т. н. „Кавказского запроса“ в Государственной Думе (с декабря 1908 г. по март 1909 г.).

Члены Государственной Думы, как левые, так даже правые, дали целый ряд отрицательных характеристик кавказских администраторов.

Все промелькнули перед нами,

Все побывали тут.

Вот, например, слова депутата Чхеидзе о кавказской администрации:

— „Нового я о кавказской администрации сказать не могу, ¹⁾ в том-то и дело, что здесь все старое, все обычное, все освещено и в теории, и в практике. Я ничего не могу сказать нового после того, как не только на Кавказе, но и у нас здесь, в первопрестольной столице России, обнаружено, что под дирижерством администрации происходят репетиции по части экспроприации. Но я повторяю, что дело в обычном и старом. *Характеризуя кавказскую администрацию, Воронцов-Дашков говорит: „Посылка на окраины худших элементов, которым нет места в центральной России, должна быть прекращена, так как она ведет лишь к падению значения в глазах окраинного населения государственной власти“* (курсив наш. Г. М.). Как видите, Кавказ служит местом сплава бракованных элементов чиновничьего мира. Если вы примете во внимание, что даже высший сорт этого добра не обладает даже особенной доброкачественностью, то можете себе представить, что представляет собою бракованный элемент. И сенатор Кузьминский, прошедший всю бюрократическую лестницу, видевший много видов из этого мира, был прямо поражен при ревизии администрации Кавказа“.

Рескрипт Александра II от 13 октября 1871 года на имя кавказского наместника великого князя Михаила гласил: „С окончанием кавказской войны предстало выполнить задачи не меньшей государственной важности: окончательно

¹⁾ Кавказский запрос в Государственной Думе (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). Тифлис, 1909 г.

умиротворить покоренные народы и утвердить над горскими племенами нашу нравственную власть, которая составляет верный залог спокойного обладания“.

В чем же выразилось в дальнейшем это утверждение „нравственной“ власти над горскими народами?

Ответ на вопрос мы находим в речи члена Государственной Думы Гайдарова. „Что касается Северного Кавказа,— говорил он в заседании Думы 28 января 1909 г.,—то здесь сословная дифференциация до появления русских была незначительна, почти ее не было, и вот здесь русское крепостническое правительство всеми силами старалось искусственно создать сословие аристократическое, и в некоторых местностях даже создавали целые ханства, как, например, Кюринское ханство в Дагестанской области“.

Далее оратор оглашает следующую выдержку из „Трудов комиссии, избранной владикавказской городской думой для рассмотрения вопроса о причинах грабежей и разбоев в г. Владикавказе“. „Поставленное вне действий общих законов, систематически преследуемое властями и войсковым сословием, в безграничном закабалении последних, не только юридически, но и экономически дезорганизованное и лишенное всяких законных способов защиты своих интересов,—туземное население разоряется, дичает, озлобляется и деморализуется, проявляя изредка свое недовольство в диких и кровавых формах открытого мятежа, как это было в Чечне в 1898 г., в Осетии в 1902 и 1905 г.г., в Ингушии в 1906 г.“

Депутат Гайдаров, отметив в своей речи, что натравливание одной национальности на другую было характерной чертой управления Кавказским краем, подтверждает это, между прочим, таким фактом. „Различными способами ингуши и чеченцы были между собой поссорены, и в июне 1883 г. сразились, имея с каждой стороны до 10.000 человек. Результатом этой борьбы было поражение ингушей, отбитие у них до 2.000 человек. А ингуши как поступали? Безусловно, они были наивны. Вообще нужно сказать, что кавказские горцы были слишком наивны и вели братоубийственную войну. Шамиль три раза порывался привлечь на свою сторону ингушей, но терпел неудачи. Особенно чувствительное поражение было ему нанесено почти исклю-

чительно силами одних ингушей в апреле 1840 г.“ „Вы, может быть, скажете, что система провокации в видах государственных существовала тогда, но теперь этого нет, теперь на Кавказе живут мирные подданные Российской империи и нет надобности в провокации. Вы, господа, ошибаетесь. Если в то время провокация была государственной, освященной государством, то и теперь господа провокаторы а la Азеф там существуют и, может быть, в еще худшей форме. Эти господа там облечены еще властью“.

В Архивном Бюро Северо-Осетинской Автономной Области, среди историко-революционных дел, нам встретился любопытный факт, достойный пера Гоголя.

В 1866 году имели в гор. Кизляре место три случая столкновения граждан с полицией. Поводами к столкновениям послужили следующие обстоятельства: полиция отобрала у одного лавочника папиросную бумагу с какими-то, якобы запрещенными правительством, рисунками; в другой раз арестовала заподозренного в краже работника, служившего у купца; в третий раз поводом была драка. В стычке с полицией участвовало около 200 человек.

Полиция неоднократно терпела поражение.

Вмешательство высших местных властей и городского самоуправления оказалось безрезультатным.

Общество, „предоставленное свободному мышлению“, всякий раз оказывало властям сопротивление.

Такое поведение кизлярского общества находит свое объяснение в журнальном постановлении городской думы. Местное общество, как видно из этого постановления, не раз было тяжело оскорбляемо полицией: так, городничий грозил торговцам вместо шуб надеть на них арестантские халаты; лавочника Гилянца били в его лавке, при чем тянули за шарф, который у него был на шее, до посинения лица и т. д., и т. д. (Истор.-револ. архив. №№ дел: 31, 32, 33 и 34).

Эти события относятся к 1866 году.

Но с подобными же явлениями административного произвола мы встречаемся не раз и в последующее время.

Так, 5 ноября 1910 г., за подписью 58 членов Государственной Думы, сделан был запрос наместнику на Кавказе о преследовании ингушского народа в связи с действиями Зелимхана, чеченца по происхождению.

Запрос этот доставлен был в редакцию „Терских Ведостей“ членом Государственной Думы от Терского казачьего войска г. Лисичкиным и напечатан в названной газете за 1910 год, в № 256.

Вот, что мы читаем в запросе:

„Борьба, принятая терской администрацией с пресловутым абреком Зелимханом Гушмазакаевым, чеченцем по происхождению, жителем Веденского округа, Терской области, оперирующим в последнее время в пределах Назрановского округа той же области, населенного ингушами и Тионетского уезда, Тифлисской губернии, вылилась в настоящее время в нетерпимые ни в одном правовом государстве меры, направленные не столько к поимке Зелимхана и его шайки, с которыми местная администрация борется безуспешно в течение многих лет, сколько против мирного, ни в чем неповинного ингушского населения“.

В заключительной части авторы запроса пишут:

„Ввиду всего вышеизложенного, мы, нижеподписавшиеся члены Государственной Думы, просим Государственную Думу, руководствуясь ст. 33 Учр. Гос. Думы, пред'явить наместнику его императорского величества на Кавказе запрос о том:

1. Известно ли ему, что все меры, предпринимавшиеся со стороны терской администрации для преследования и поимки разбойничьей шайки абрека Зелимхана главным острием своим были направлены против мирного трудового населения и в большинстве случаев нарушали законные его интересы?

2. Что терская областная администрация, желая прикрыть полную свою несостоятельность в смысле успешной борьбы с опирающейся в горах шайкой Зелимхана в Ассиновском ущелье 20 минувшего сентября месяца, решила применить ко всему ингушскому народу ряд репрессивных мер, в корне подрывающих всякое представление о законности и выразившихся: а) в уничтожении двух аулов Нелх и Ерш; б) в предстоящем выселении в течение четырех месяцев из существующих уже несколько десятков лет хуторов на арендованных землях Терского казачьего войска нескольких тысяч душ населения, долженствующих, по приведении в исполнение этой меры, остаться без крова, пристанища и

пропитания; в) в беззамедлительном, с применением экзекуционного порядка, взыскании 40.000 р. недоимок, накопившихся за целый ряд лет; г) в наложении на удовлетворение семей убитых и раненых чинов отряда ротмистра Даногуева контрибуции в размере 25 р. на каждый дом, и д) в лишении ингушского народа предоставленного ему права выбора сельских старшин?

3. И если все это известно наместнику его императорского величества на Кавказе, то какие им приняты меры к ограждению законных интересов, личной неприкосновенности и имущественных прав мирного туземного населения, не причастного к разбоям и грабежам, чинимым шайкой Зелимхана?

Запрос просим признать срочным (две недели).

1) Гайдаров, 2) Гегечкори, 3) Розанов, 4) Бабянский, 5) Петровский, 6) Петровский 2-й, 7) Степанов, 8) Ччеидзе, 9) Хас-Мамедов, 10) Булат, 11) Скалозубов, 12) Липягов, 13) Фридман, 14) Гарусевич, 15) Яблоновский, 16) Байбурин, 17) Тукаев, 18) Махмудов, 19) Львов 1-й, 20) от. Мацеевич, 21) Соколов 2-й, 22) Родичев, 23) Ефремов, 24) Бич, 25) Попов 3-й, 26) Петров 3-й, 27) Иконников, 28) Шингарев, 29) Челноков, 30) Максудов, 31) Воронков, 32) Новиков, 33) Иванов 2-й, 34) Шульценберг, 35) Терасс, 36) Никольский, 37) Войлошников, 38) Мерзляков, 39) Кондратьев, 40) Сурков, 41) Белоусов, 32) Кузьмо, 43) Мягкий, 44) Кейпис, 45) Щепкин, 46) Маньков, 47) Молодцов, 48) Климов, 49) Попов 2-й, 50) от. Титов, 51) Волков 2-й, 52) Сагателян, 53) Кузнецов, 54) Кропотов, 55) Черносвитов, 56) Лучицкий, 57) Башкиров, 58) Тевкелев“.

По поводу преследования ингушей в связи с грабежами и разбоями, которые совершал Зелимхан со своим отрядом, в 1910 году со статьею: „Ответственность невинных“ выступил в печати известный литератор А. Яблоновский. Статья эта впоследствии вошла в сборник того же автора под заглавием: „Родные картинки“ (Т. II-й. Москва, 1912 г.).

„Русское общество—писал А. Яблоновский—должно немедленно, сейчас же отслужить всенародный молебен о даровании генералу Михееву душевного просветления.

—Господи! Оглянись на генерала Михеева и подаждь ему силу и крепость здравого разума!“

„Всею народом упали ингуши в ноги генералу, но генерал их даже не принял, даже не выслушал... Так и ушла депутация ингушей во-свояси, чтобы сообщить народу окончательное решение:

—Земли отнимут, дома разрушат и вышвырнут детей под открытое небо!

Я очень боюсь, что русские читатели, которые пробегают эти строки, просто не поймут, не в состоянии будут даже представить себе эту картину кавказского правосудия. Но чтобы по достоинству оценить юридическую сторону этой картины, представьте себе, что где-нибудь на Невском проспекте, как раз возле вашего дома, разбойники убили человека и бросились бежать в вашу подворотню. За разбойниками пустились городовые, но не догнали и вернулись ни с чем. И вот после того, как городовые никого не поймали, к вам приезжает генерал Михеев и говорит:

—Ваш дом?

—Мой.

—Через четыре месяца снесем с лица земли.

—Да за что же?

—А вот за то же: в вашу подворотню Зелимхан побежал!“

Резкую отрицательную характеристику терской администрации дал даже такой крайний правый депутат, как Пуришкевич.

В заседании Государственной Думы 10 декабря 1908 г. Пуришкевич сказал:

— „Во главе Терской области стоит атаман Колюбакин, а правителем его канцелярии—Зиновьев. Господа! Кто такой Зиновьев, которым дорожили до сих пор? Зиновьев, правитель канцелярии Колюбакина,—фамилия фиктивная. Зиновьев—беглый преступник, по подложному документу явился из Петербурга и был провизором во владикавказской аптеке Тиде. Через женщину, неизвестно чью, он протерся к Колюбакину и обратился в правителя канцелярии. Это, следовательно, лицо, как видите, достойное стать во главе канцелярии Колюбакина. Его деятельность сразу повела к тому, что жалобам и доносам на него не было конца, разбои против овцеводов не прекращались, грабежи шли во всю, разбойники были вооружены оружием последнего образца, и пленения овцеводов не имели конца и предела.

Перечислю список последних пленений: Камбаров заплатил за себя 40.000 р., Сафаров—15.000 р., Бредихин—12.000 р., и получил новое письменное требование о присылке дополнительно 1.600 руб. с угрозой, в случае промедления, большим платежом, Месяцев—18.000 руб., колонист Нейфельд—40.000 руб., за взятого Кошелева требуют 10.000 руб., словом, за целый ряд овцеводов, крупных владельцев, требуют громадные деньги, но и денег нет, и овцеводов нет. Конечно, в результате оказывается, что овцеводы давали громадные деньги на увеличение стражи, прося: создайте нам возможность жить, работать и трудиться беспрепятственно на своих местах. Но, тем не менее, этого достичь нельзя было: деньги давали, а охраны не получали. И вот, в конце концов, овцеводы бросили насиженные места, и теперь австрийская шерсть стала вытеснять шерсть русскую, местную. В конце концов, несколько из шайки грабителей были пойманы, и вот, от пойманной шайки нити привели к Зиновьеву. Оказалось, что сам Зиновьев, правитель канцелярии Колюбакина, снабжал оружием, патронами и информировал ту шайку, которая работала в Тифлисе. И вот, Колюбакина вызвали для объяснений в Петербург, Зиновьев же был заключен под стражу. Как вам нравится этот человек, который стоит у власти? Что касается Колюбакина, то данные говорят следующее: там заметны и могут быть путем ревизии обнаружены крупные злоупотребления по сдаче войсковых земель, но они не достигли наивысшей точки; станичные, областные управления являются гнездами взяточничества, которое процветает в данных областях“ („Кавказский запрос в Государственной Думе“, стр. 35 и 36).

Разумеется, подобные администраторы, все думы которых были сосредоточены на личном благосостоянии, совсем не проявляли забот о народном здоровье и образовании, о проведении железных дорог и улучшении естественных путей сообщения, об устройстве мостов и вообще о хозяйственном и культурном развитии края.

В течение десятилетий широкие народные массы Терской области жили во мраке.

Горские школы учреждены были в крае на основании высочайшего повеления 20 октября 1859 года. Цель этих школ, как гласил один из параграфов устава, заключалась

в том, чтобы они служили „для распространения гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей“.

Всех горских училищ для магометан на Кавказе с момента их возникновения до 1917 года насчитывалось всего пять: одна в слободе Нальчик (основана в 1861 году) для кабардинского населения, другая—в гор. Грозном (1863 г.) для чеченцев, третья—в Майкопе (1863 г.) для черкесов, четвертая—в пос. Назрань (1871 г.) для ингушей и пятая—для абхазцев в Сухум-кале.

„Школы—пишут „Терские Ведомости“ (1891 г., № 77)—содержатся, главным образом, на средства государственного казначейства (напр., в 1878 г. было отпущено 45.588 руб., в 1889 г.—36.960 р.) и, отчасти, на средства, отпускаемые местными обществами. Переходя к составу учащихся, мы увидим, что в отчете этих школ за 1889 г. показано: в сухумской школе туземцев было 44 проц. общего числа, в майкопской—32 проц., в грозненской—36 проц., в нальчикской—52 проц. и назрановской—93 проц.

Если же мы теперь обратимся к общим цифрам распределения учащихся по национальным группам, то найдем, что число всех туземцев-горцев в отчетном году составляло 46, 8 проц., а русских—33, 2 проц.; остальное число приходится на долю других народностей—евреев, немцев, армян, грузин и др. В конце года обучалось во всех пяти школах 549 мальчиков; общее число окончивших за все время их существования до 1889 года равняется 1.000 душам. Для полноты картины мы еще должны присовокупить, что при горских школах существуют пансионы, в которых большинство казенных вакансий замещается горцами; приходящие же ученики обучаются за плату от 3-х до 5-ти руб. в год. Из приведенных выше цифр явствует, что из всех пяти горских школ только в нальчикской—(52 проц.) и в назрановской (93 проц.) подавляющим большинством являются горцы, для которых, собственно, и предназначались школы, а в других они значительно уступают место по численности прочим национальностям.

Причина такого явления заключается не в том, что горское население не питало стремления к образованию, что было бы большим заблуждением, а, напротив, у него стремление к просвещению очень большое, но, к сожалению, многие причины тормозят это благое дело. Одна из таких причин кроется в материальном благосостоянии: не обладая большими средствами, благодаря низкой ступени туземной культуры, большинство горцев не в состоянии посылать детей из своих далеких аулов в места нахождения горских школ. Здесь достоин внимания тот факт, что многие горские ребятишки ходят в школы за 5—7 верст, не взирая ни на суровую зимнюю стужу, ни на пронизывающий до костей проливной дождь. Расчитывать же им на помещение детей на свободные вакансии в пансионатах школ не приходится, так как число открывающихся ежегодно свободных мест бывает слишком мизерно. Другое было бы дело, если бы число горских школ увеличили в несколько раз; тогда бы и число учащихся горских детей возросло во много крат более, чем при настоящих условиях. Кроме того, по недостаточности наличных школьных помещений, как, например, в назрановской школе, ежегодно приходится отказывать родителям в принятии их детей в школу; так, по недостатку места в этой школе, в 1889 году было отказано в принятии 55 ингушским мальчикам, но в действительности это число значительно бывает больше, если принять во внимание то обстоятельство, что многие из родителей не идут просить за своих детей, узнав от односельчан об их неудавшейся попытке определить детей „на выучку“. И это повторяется из года в год и в каждой школе.

Что же касается того, что в Майкопе и Грозном на долю туземцев приходится меньшинство, то это потому, что в этих городах большинство населения состоит из русских, которые, живя в городе и при небольшой при этом плате за право учения, не должны нести большие материальные затраты на обучение детей. Таким образом, отсюда весьма естественно вытекает, что существующие горские школы как по числу, так и по своей отдаленности от массы туземного горского населения, не могут вполне удовлетворить спрос на них населения. Вначале, при открытии этих школ, имелись в виду только наиболее центральные пункты, так

как правительство не знало, насколько охотно отнесутся горцы к помещению детей в школы. Но время уже показало, что горские жители с большою охотою посылают своих детей в русские школы, которыми они, как люди смывленные и практичные, очень дорожат“.

И далее: „Надо заметить, что во многих взглядах горцев на жизнь стал проглядывать прогресс, благодаря плодотворному действию школы, приравливающей отсталость горца к требованиям духа времени. В ряду громадного числа уголовных преступлений, совершаемых горским населением, очень редко фигурируют воспитанники школ в роли обвиняемых.“

К числу больных мест горских училищ принадлежат школьные помещения. Из всех пяти школ только грозненская помещается в наемном здании, остальные же имеют свои собственные помещения, которые, к сожалению, мало приурочены к школьным потребностям, а некоторые из них прямо-таки негодны по своей ветхости. Например, пансион назрановской школы настолько ветх, что грозит падением. Попечителем учебного округа, хотя и было одновременно исходатайствовано перед министром народного просвещения несколько тысяч рублей на ремонт школьных зданий, но это мало помогло горю, так как здания настолько устарели и непригодны, что никакой ремонт не в состоянии их воскресить к жизни.

Программы же школ настолько устарели, неполны, что они в настоящее время не могут удовлетворить пытливого горца даже в объеме законченного элементарного курса образования.

Между тем, население стремилось к свету знания. Оно жаждало школ, оно мечтало о новых многочисленных рассадниках знания, но... бесплодно.

Газета „Терские Ведомости“, в статье: „Вопросы народного образования в Терской области“ (1891 г., № 68), спрашивает: ищет ли население грамотности, и отвечает на это фактами из местной действительности.

„Прежде всего возникает вопрос: ищет ли население грамотности? Ответ на него для многих остается спорным, а потому обратимся к фактам. „Постройка станичными обществами на свои средства училищных зданий, содержание их

и учителей, переполнение школ учащимися достаточно свидетельствуют, что потребность в начальном образовании среди казачьего населения вполне сознается и повсеместно ощущается. Туземное население, с своей стороны, дает массу фактов, на основании которых невозможно сомневаться, что и в нем достаточно созрела нужда в грамотности. Городским жителям известно, например, что осетины и ингуши охотно отдают своих детей в услужение без всякой платы, с единственным условием—выучить ребенка читать, писать и говорить по-русски. Наконец, известны факты, когда туземное население совершенно самостоятельно, по собственной инициативе, устраивает русские школы. Об одном из таких случаев рассказывает в „Наблюдателе“ г. Слобожанин. В горном ауле Донифарсе, в этом неприступном орлином гнезде, где кроме старшины да писаря никто не говорит по-русски, по почину самого же сельского общества, возникла школа грамотности, в которой обучение идет на русском языке. Какого же искать еще лучшего доказательства тому, что потребность в образовании существует и сознается населением. „Все народности Терской области, чрезвычайно нуждаясь в народном образовании и стремясь к нему, в данное время предъявляют запрос на труд, по крайней мере, 500 учителей, которые, давая им прочную грамотность в наличных народных училищах, сообщали бы ученикам, на почве общеобразовательного курса, и некоторые специальные знания, применимые к условиям местной жизни“ (Вопросы народного образования в Терской области. „Т. В.“ 1891 г., № 68).

Таково было состояние просвещения в Терском крае.

Не лучше обстояло дело с путями сообщения. Этот вопрос многократно обсуждался в местной печати, но безрезультатно. Вот, например, письмо из Владикавказского округа, напечатанное в № 88 газеты „Терские Ведомости“ за 1900 г.

„К одним из самых больных мест Владикавказского округа несомненно можно причислить почти полное отсутствие более или менее порядочных дорог. Дороги напоминают что-то первобытное, редко, редко где попадается мостик, да и то сколоченный на живую нитку. В дождливое время—грязь невылазная, которая делает езду почти невозможной: что ни

шаг,—то страшные выбоины, куда не повернешь—ямы, бугры, канавки и т. д., и т. д.“. „Нам кажется, что пора бы обратить внимание на констатируемый нами факт. Инициативу в этом деле следовало бы взять на себя окружной администрации, на обязанности коей лежит забота о благоустройстве вверенного ей района. Правда, работа эта не легкая и сразу покрыть весь округ сетью более или менее благоустроенных дорог—вещь невозможная. Но что мешает прежде всего взяться за дороги, имеющие самое важное значение в хозяйственной жизни горцев. Укажем для примера на дороги, пролегающие по всем ущельям округа, затем на дороги: Алагир-Ардон-Дарг-Кох, Алагир-Владикавказ, Ново-Урух-Магометанское-Эльхотово, Христианское-Дарг-Кох. Эти дороги являются важнейшими, ибо по ним совершается подвоз хлеба и других продуктов к рынку. В заключение не могу не упомянуть, что эти же самые дороги служат и потребностям нашей горнопромышленности. Это последнее обстоятельство, по моему мнению, может служить достаточным основанием для привлечения, между прочим, и наших горнопромышленников к участию в благоустройстве дорог“.

Это наследие старого строя дает о себе знать до настоящего времени. На состоявшемся 2-го августа 1924 года, под председательством Н. В. Виддинова, открытом заседании Совета Северо-Кавказского Института Краеведения ученый секретарь Института Л. П. Семенов, руководитель научной экспедиции в Горную Осетию, в своем докладе, между прочим, указал на отсутствие в этом районе удобных путей сообщения и достаточного количества школ. „Природа богата живописными местами, население отличается редким гостеприимством, трудолюбием, но живет в весьма тяжелых экономических условиях. Жители тех пунктов, которые посетила делегация, просили нас передать представителям власти о том, что крайне необходимы удобные пути сообщения, школы“ (Протокол № 15 открытого заседания Совета Сев.-Кавк. Института Краеведения от 2 августа 1924 г.).

Разумеется, поднятие культурного уровня и улучшение экономического положения населения могло бы иметь место, если бы населению края предоставлена была бы хотя бы ма-

ленькая возможность самодеятельности, если бы на местах были бы самостоятельные органы хозяйственного управления. Это и имели в виду инициаторы учреждения земства в Терской области.

Вопрос о земстве возник здесь в 1907 году. Областная администрация созвала совещание 20 августа 1907 г., куда вошли представители землевладельцев, городов, духовенства и др.

Совещание пришло к выводу о необходимости двух видов земства в области: отдельно казачьего, в отделах, и отдельно для прочего населения, в округах, с объединяющим их областным земством.

Что касается состава гласных в областном и уездных земских собраниях, то совещание изменило существовавший в земских губерниях порядок на том основании, что в Терской области дворянство крайне малочисленно; по земскому же положению преобладающее место в уездных земских собраниях отведено было землевладельцам вообще и дворянам потомственным и личным в особенности. Совещание и пришло к заключению, что „в Терской области земское дело является скорее сельским и станичным делом, чем дворянским или землевладельческим“.

Однако, несмотря на то, что введение земства диктовалось всей действительностью края,—вопрос этот так и не был разрешен.

В 1913 году газета „Терские Ведомости“ (№ 114) сообщила, что в Государственную Думу за подписью 67 депутатов внесен законопроект о введении земских учреждений в казачьих областях Северного Кавказа. Законопроект основан был на том, что существовавшая система управления являлась тормозом, задерживавшим планомерное развитие жизни края.

В следующем, 1914 году, вопрос о земстве в Терской области затронут был в местной печати членом Государственной Думы М. А. Карауловым. Вот, что писал депутат от Терского казачьего войска. ¹⁾ „Стоящий уже на ближайшей очереди пересмотр городского положения, а также внесенное 27 февраля 1913 г. в Государственную Думу законода-

¹⁾ Член Государственной Думы М. А. Караулов. Земство в Терской области. Газ. „Терские Ведомости“. 1914 г., № 17.

тельное предположение казачьей думской группы „об устройстве местного самоуправления в казачьих войсках“ дают основание надеяться на благоприятное решение назревшего вопроса о коренных преобразованиях в городском самоуправлении и, особенно, в деле руководства культурно-экономической жизнью казачества, а, между тем, остальная масса населения Терской области, за исключением, отчасти, кабардинцев, совершенно лишена общих распорядительных и исполнительных органов.

До сих пор более чем полумиллионная масса горского населения не имеет *ни одной лечебницы* (курсив М. А. Караулова); попечение о народном здравии вверено здесь только окружным врачам по одному на округ (уезд), совершенно заваленным судебными-медицинскими обязанностями. Ни продовольственных капиталов, ни запасных магазинов не существует, почему в случае неурожая население вынуждено обращаться к казенной помощи. Нет никакой агрономической помощи, и население коснеет на самых первобытных ступенях культуры. Школ почти нет, и население почти поголовно неграмотно. Исключение в этом отношении представляют лишь православные осетины, среди которых издавна действует Общество распространения православия на Кавказе с целой сетью начальных школ. Не в лучшем положении и дорожное дело: нет сносных путей сообщения, особенно же в Нагорной полосе, где население принуждено пользоваться почти исключительно вьючными тропами.

За недостаточностью средств дорожные сооружения в области остаются без надлежащего капитального ремонта, постройка же новых откладывается впредь до введения в области земства. Результатом такого положения дел является прогрессирующий упадок экономического благосостояния населения и его низкий культурный уровень.

Совокупность всего изложенного, а, главным образом, общая отсталость туземных народностей, побуждающая их искать выхода к уравниванию своего экономического положения с кажущейся материальной обеспеченностью русского населения путем краж, разбоев и грабежей, чем не только значительно тормозится духовный и экономический рост всего населения области, но и создается почва, благоприятная для укрепления в среде населения взаимной вражды, доходящей за-

частую до открытых кровавых столкновений,—настоятельно требует коренной реорганизации существующего здесь управления.

Высшая власть края, в лице кавказского наместничества (стр. 16-17 последнего всеподданнейшего отчета), и вся передовая часть самого населения давно уже сознала, что если ввести в области земское самоуправление, применительно к местным особенностям, то, во-первых, сами туземцы, сделавшись хозяевами своей судьбы, не замедлят проявить всю свою богатую в области материальной и духовной энергию на пользу не только себе и окружающим, но и общему нашему отечеству—великой России, а, во-вторых, быстро поднимется пульс культурной работы и всего края.

Ввиду всего вышесказанного и на основании ст. 55 учреждения Государственной Думы мы предлагаем Государственной Думе нижеследующее законодательное предположение:

1. ввести в Терской области земские учреждения по действующему общему положению (1890 г.);
2. образовать в пределах Терской области в каждом отделе и округе земскую организацию уездного типа, соединив вместе Грозненский и Веденский округа и выделив г. Владикавказ в особую земскую единицу;
3. вопрос собственно войскового и станичного казачьего хозяйства и быта передать органам войскового казачьего самоуправления“.

Эта статья М. А. Караулова, напечатанная в „Терских Ведомостях“ в 1914 году, заслуживает пристального внимания, ибо в ней можно найти итоги деятельности или, вернее, бездеятельности терской администрации.

Из данных, приведенных нами выше, а также из статьи М. А. Караулова, стоявшего всегда в центре экономической и политической жизни края, мы видим, в каких тяжелых условиях жили широкие массы населения Терской области.

В правовом отношении местная бюрократия проводит старый излюбленный принцип: „divide et impera“—„разделяй и властвуй“. Отсюда межнациональная вражда, частые кровопролитные столкновения, военные экзекуции, выселение горцев в Турцию, поддержка высших сословий туземцев, обезоружение горцев.

Личный состав администрации не внушает населению никакого доверия.

Что касается удовлетворения культурно-просветительных и экономических нужд туземцев, то в этом отношении совершенно не проявлено должных забот. Нет дорог, в округах нет лечебниц, местная печать неоднократно подвергается цензурным стеснениям и уголовным преследованиям (так, напр., было с газетой „Казбек“, закрытой губернатором в 1904 г., так было с крупнейшей на Северном Кавказе газетой „Терек“, редактор которой С. И. Казаров, а также постоянный сотрудник С. М. Киров не раз привлекались к уголовной ответственности); земли и леса отбираются в пользу казны, школ почти нет, население живет без света знания, старым, традиционным бытом с его калымом, кровной мстью, абречеством.

В этом мраке в горах края, где царят нужда и невежество, развивается преступность, а местная администрация жестоко карает тех, кого взрастила неприглядная действительность.

И невольно вспоминаются слова проф. М. Н. Гернета,¹⁾ сказанные им в 1906 году: „В России увеличивается до высшего предела наказание за конокрадство, за вооруженные нападения на Кавказе, но эти меры не приводят к цели, и могилы казненных и убитых горцев украшаются цветами“.

Однако, картина тяжелого положения горцев станет рельефнее, когда мы коснемся земельного вопроса в быв. Терской области.

Воля и земля—такова заветная мечта широких горских масс.

¹⁾ М. Н. Гернет. Общественные причины преступности. Москва, 1906 г.

III.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС.

Прокламация графа Воронцова горским народам 1845 г.—Прокламация кн. Барятинского 1860 г.—Рапорт командующего войсками Терской области об уменьшении подати с горцев.—Указание в рапорте на переселение горцев из аулов.—Мотив переселения.—Данные о переселении.—Малоземелье.—Письмо Лорис-Меликова по этому вопросу.—Переселение горцев в Турцию, как способ решения вопроса о малоземелье.—Одобрение переселения в Турцию краевой властью.—Условия ген. Кундухова по переселению.—Письма его из Константинополя о переговорах с турецким правительством и о первых шагах переселения.—Трагические результаты переселения.—Земельный вопрос остается открытым.—Признание Воронцова-Дашкова об отсутствии забот о крестьянстве.—Учреждение комиссии по рассмотрению аграрного вопроса в Нагорной полосе Терской области.—Печать о земельных делах.—Природа Нагорной полосы.—Земельное положение жителей Нагорной полосы.—Земельная нужда у плоскостных горцев.—Осложнение малоземелья наличием у некоторых горских народов землевладельческого дворянства.—Князья и крепостные в Кабарде.—Сословное деление в Осетии и у кумыков.—Борьба землевладельческого дворянства за привилегированное положение.—Классовая борьба в деревне.—Земельный вопрос на страницах „Терских Ведомостей“.—Средства для разрешения аграрного вопроса: правительственные и крестьянские.—Воровство, грабежи, разбои.—Детоубийство.—Переселение с гор на плоскость.—Коллективная покупка земель в собственность.—Аренда.—Эмиграция горцев за рубеж.—Аграрные движения.

Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом, наместник Кавказа, генерал-адъютант граф Воронцов в 1845 году в своей прокламации горским народам писал: ¹⁾

„Было бы вам известно, что я по воле все милостивейшего государя императора русского назначен управлять здешним краем. Его величеству благоугодно и его единственное желание есть, чтобы здесь был мир и спокойствие. Вам известно, что упорная война ни к чему не ведет более,

¹⁾ См. „Письменные заявления горского населения и объяснения комиссии“. Владикавказ, 1909 г.

как к убыткам и пролитию крови, и это уже доказано предшествовавшими годами. Война эта вам, вашим семействам, не принесет ничего хорошего, кроме бедствия и невозвратимых потерь. Поверьте мне, что упорством своим вы невольно вынудите Россию поднять безчисленные силы и беспощадно наказать вас всею силою войны. Ужели вы не убедились еще в обманчивых думах,—что своры и советы дурных людей, находящихся между вами, вместо обещанного блаженства, которого можно будто бы достигнуть бесполезною войною, не приносили вам прежде, и теперь не приносят, ничего хорошего, кроме бедствий и потерь.

Если вы не послушаете меня, будете вести себя по-прежнему, то я буду вынужден поднять оружие, разорить ваши села и подвергнуть вас и семейства ваши всем неизбежным бедствиям войны. Напрасно пролитая кровь останется на вас и детях ваших и вы должны дать ответ за нее общему судье—богу, царю царей. Если советы мои послужат вам в пользу и вы послушаете меня и удовлетворите желание моего великого сильного государя,—этим вы принесете мне величайшее удовольствие, и я с радостью готов излить на вас щедроты моего монарха, и вы удивитесь его милостям и будете прославлять мир.

Верьте мне, что все обещанное вам есть истина, основанная на воле моего государя императора.

Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, имения ваши, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения (курсив наш. Г. М.). Российские войска будут защищать вас от врагов, начальство будет заботиться о благоденствии вашем и вы ни в чем не встретите нужды и никогда вас не постигнет никакое бедствие.

Теперь я вам сказал все, что желает мой государь, и что он поручил мне передать вам. От вас зависит воспользоваться счастьем, принять наше признание или нет; выберите одно из двух и будьте сами себе судьями, помня, что всем тем бедствиям, какие вы неминуемо понесете от войны, будете сами причиною.

Еще раз повторяю, что обещания мои есть священные, и они как бы собственные слова моего великого государя, которые никогда не могут подлежать сомнению.

Воля моего монарха и обещания священны, и он доверителям своим, как и мне, ни в чем не отказывает и всегда считает действия их, как свои.

Верно: Д. с. сов. Абрамов“.

По окончании Кавказской войны наместник кн. Бярятинский не так определенно, как гр. Воронцов, говорил о земле. В своих прокламациях, обращенных к чеченскому и другим горским народам, он обещал им „неот'емлемое“ владение землею.

Вот, что мы, например, читаем в обращении к назрановскому народу.

„Прокламация

Назрановскому народу.

Император всероссийский в бесконечной милости своей забывает все прошедшие поступки назрановского народа, прощает ему великодушно за пролитую кровь русских и отныне считает назрановцев такими же своими верноподданными, как и всех прочих обитателей Российской империи. Снисходя к недавнему переселению назрановцев на настоящие места и к минувшей тревожной жизни их в соседстве враждебных племен, освобождает народ на целые три года от взноса податей в казну государственную.

Сверх того, его императорское величество дарует назрановскому народу следующие права:

- 1) Полную свободу вероисповедания—беспрепятственное отправление богослужебных обрядов.
- 2) Увольнение навсегда от обязанности выдавать рекрут и от обращения в казаки.
- 3) Неот'емлемое владение землею на указанных уже местах.
- 4) Земля, предоставляемая народу, будет разделена между аулами, в постоянное их владение, соразмерно числу народонаселения.
- 5) На право владения землею будут выданы обществам аулов и частным лицам все необходимые акты и планы.
- 6) Места рождения металлов и минералов составляют принадлежность правительства.

7) Права личности и собственности каждого обеспечиваются общими узаконениями империи, примененными к обычаям и нравам народа.

8) Суд и расправа между назрановцами предоставляются народному суду, на основании народных обычаев и шариата, кроме тех изменений и дополнений в ныне существующих обычаях, которые впредь могут оказаться необходимыми согласно потребностям народа.

9) Выбор лиц для отправления общественных должностей в аулах и выбор депутатов в народный суд предоставляется обществам; утверждение же в должностях—начальству.

Пользуясь вышеизложенным и правами, назрановский народ обязуется:

- 1) Полным повиновением и послушанием постановленным от правительства властям.
- 2) Выдавать преступников и беглых, не скрывая их ни под каким предлогом и отвечать за грабеж и убийство, произведенные на землях общественных.
- 3) Содержать в исправности сообщения, плотины и мосты.
- 4) Для сбережения лесов назначить в каждом ауле особые участки, где строжайше воспретить производить вольную порубку без дозволения аульных обществ. За вывоз же леса на продажу из свободных дач установить денежный сбор особенною таксою по приговору народного суда. Собираемые за сие деньги должны поступать в общественные суммы для общественных нужд народа, каковы: вспомоществование бедным и пострадавшим от несчастья, содержание школ и проч.
- 5) На случай прохода войск по аулам давать потребное количество подвод за прогоны. Правильность раскладки этой повинности предоставляется возлагать на наивов, а проверка—народному суду.
- 6) Вознаграждать общественную службу мулл, аульных старшин и других лиц внутреннего полицейского управления аулами по приговору аульных обществ.
- 7) Развозку бумаг, содержание караулов у полиции, пересылку арестантов и прочие общественные обязанности жители аулов обязаны исполнять поочередно, на том же основании, как доселе.

8) Для поддержания порядка в обществах и для приведения в исполнение распоряжений административных властей, как-то: начальников округов и наибов, народ обязан содержать постоянно на счет общества с каждых 100 сакель по всаднику.

9) Для защиты же собственных границ, по призыву начальства, обязаны выходить все, кто может владеть оружием. При кратковременном подобном сборе, продолжающемся не более 10 дней, ополчение это обязано содержать себя и коней (кто их будет иметь) на собственном иждивении. Если же служба продолжится более вышзопределенного срока, тогда на дальнейшее время ополчение поступает на попечение правительства, и

10) По истечении высочайше дарованной трехлетней льготы назрановский народ, за право пользования землею, принадлежащей правительству и для покрытия на содержание управления администрации края, обязан вносить в казну ежегодно по три рубля сер. с каждого двора, не исключая неимущих, вдов и сирот, при чем взнос за последних раскладывается на прочие дворы аула по общественному приговору. Общество аула вносит этот сбор полностью по расчету общего числа дворов в ауле, и за правильность сбора отвечает аульный старшина. Сбор представляется в окружное правление к 1-му числу сентября каждого года— за текущий год (Арх. Сев.-Осет. Авт. Обл. Дело № 209 канц. нач. Тер. обл. по 2 отделу, 1 столу—о прокламациях туземцам Тер. обл. Начато 5 июня 1860 г., окончено 6 февраля 1862 г.).

Рассматривая эту прокламацию, мы видим в ней не мало обязанностей, которые тяжелым бременем легли на плечи ингушского и других горских народов. Тут и содержание в исправности путей сообщения, плотин, мостов, и гужевая повинность, и расходы по содержанию различных административных лиц, караульная служба, содержание всадников для поддержания порядка. Мало того, по истечении трехлетнего льготного срока, горские народы, „за право пользования землею, принадлежащей правительству и для покрытия на содержание управления администрации края“, должны были вносить в казну ежегодно по три руб. сер. с каждого двора. Эта обязанность распространялась и на неимущих, вдов и сирот.

Но могло ли разоренное продолжительной войной население платить три рубля с каждого двора? Разумеется, это было не по силам для горских масс.

И в рапорте командующего войсками по управлению Терской областью на имя командующего войсками Терской и Кубанской областей ген.-ад'ютанта и кавалера графа Евдокимова, между прочим, сказано: „Имея в виду, что переселение аулов Ланжита и Учхот окончено уже к 30-му числу октября, и что в течение зимы 1860—61 года окончится также и переселение жителей Тарской долины, я спешу, согласно желанию вашего сиятельства, изложенному в том же предписании за № 4111, дополнить, что во внимание бедности галгаевцев и вообще всех племен, живущих в горах, я полагал бы в прокламации определить для них количество ежегодного денежного взноса по полтора рубля серебром с дыма и никак не более двух рублей“ (вышеуказ. дело).

Рапорт представляет интерес не только потому, что в нем имеется указание на необходимость понижения взноса в казну, ввиду бедности горских племен.

В нем, кроме того,—что значительно важнее—есть определенное указание на переселение горцев из родных аулов, и это одновременно и даже раньше издания прокламаций с заявлением о „неотъемлемости владения землею“.

Объяснение же причины переселения горцев мы находим в следующем документе: „Из всех туземных племен чеченское по количеству населения, общественному устройству своему, а еще более по топографическим свойствам занимаемой им местности далее прочих сохранило возможность к сильному сопротивлению и действительнее всего оказывало его против нас самым упорным образом“. „Мы испытали на деле всю бесплодность борьбы с чеченцами, которые пользовались закрытою местностью Сунженской долины и предгорий, чтобы наносить нам потери, и избегали в то же время решительного боя. Поэтому мы, по необходимости, прибегали к коренной русской исторической системе заселения окраин государства казаками“ (Дело по описи № 1 1863 г. канц. нач. Тер. обл. по секретному столу о переселении туземцев Тер. обл. в Турцию; л. д. 1).

Горцы должны были покинуть свои аулы для того, чтобы их земли, в порядке военных приказов, заняли бы казачьи полки.

Нижеприводимые документы подтверждают факт переселения горцев из родных мест (Дело № 209 о прокламациях гор. нар.).

„Помощнику командующего войсками Терской области господину генерал-майору и кавалеру Кемпферту.

Препровождая при сем Вашему превосходительству три утвержденных подписем г. главнокомандующего прокламации к назрановскому, галашевскому и галгаевскому народам, имею честь покорнейше просить Вас прокламацию назрановскому народу объявить, не теряя времени, при первом удобном случае, при чем прошу Вас льготное время и количество определенных к взносу денег в размере, определенном для чеченского народа, приписать в прокламацию собственноручно. С объявлением прокламации галгаевцам необходимо обождать до окончания переселения аулов Ланжита и Учхот фамилии Гистагожевых и жителей Тарской долины, согласно предписанию моего к генерал-майору Бажанову от 16-го октября за № 4068“.

„Галашевскому народу также предназначено переселение, и потому объявление прокламации галашевцам должно быть отложено до окончательного заселения ими новых мест для своего водворения, и до этого времени посылаемую прокламацию хранить при делах штаба Вашего превосходительства, как и прокламацию к галгаевцам. Командующий войсками Терской и Кубанской областей генерал-адъютант граф Евдокимов. 4 ноября 1860 г. № 4111. Г. Ставрополь“.

Из рапорта исправл. должность начальника Военно-Осетинского округа полковника Кундухова на имя командующего войсками левого крыла Кавказской линии гр. Евдокимова мы узнаем, что выселение карабулаков, галашевцев из гор произведено было в марте и апреле 1859 г. „В течение этого времени—читаем мы в рапорте—все карабулаки, жившие в ущельях по обоим сторонам Фортанги, сожгли свои хутора и со всеми семействами и имуществом переселились в аулы: Бомут, Алажино, Ахуборов, Нестеровский, Алхост-ки, Алеус-али, Аршты и, частью, в Назрановское общество, в аул Ачалук. Некоторые же из карабулаков, не желая подчинить себя старшинам, переселились в Чечню, в чем я им не препятствовал“.

Что касается галашевцев, то они выселились в Алей-Алям, жившие в верховьях Сунжи и Камбилеевки перешли в ближние аулы на Камбилеевке: Базоркино и Той-Кантышево, „на Кабардинской горе: подполковника Мальсагова и два аула в Ачалуки, по Назрановке: Насыр-Корт, Дошлуко-Гамурзиево, Барсуки Мальсагова и Плиева, по Сунже Кончи и по Сурхохи корнета Кочермана Агамурзаева. Сведения о числе дворов в каждом ауле я не замедлю представить вашему превосходительству по получении от помощников моих.

После описанного переселения в ущельях по Фортанге, Ассе, Сунже и Камбилеевке, мелких хуторов и жителей никого не осталось, и дело это, к удовольствию моему, я считаю совершенно конченным“.

Рапорт заканчивается так: „словом, исполнено и исполняется все, согласно желанию Вашего превосходительства. Полковник Кундухов“.

На рапорте есть резолюция Евдокимова: „С особенным удовольствием благодарю за это важное дело полк. Кундухова. Донести об этом г. главнокомандующему“ (дело Генер. Штаба войск левого крыла Кавказской линии, V отд., по описи № 436, по части распорядительной).

Таким образом, с продвижением русских войск шло выселение части горцев с их территории для колонизации края. Здесь, в основе колонизации, лежали политические соображения—устройство клина, который раз'единил бы горных туземцев от плоскостных и создал бы постоянную военную опору для усмирения горских племен. Конечно, колонизация края должна была повлечь за собою недостаток земель для туземного населения.

В письме на имя А. П. Карцова от Лорис-Меликова есть, например, указание на отсутствие земель у 1800 семейств карабулаков:

*„Милостивый Государь,
Александр Петрович!*

Об'яснение по делу кн. Бековича и Ахловых на запрос г. военного министра, согласно желания вашего, я препроводил через инспекторский департамент. Бумага эта, вероятно, получена теперь, и вы успеете привести к окончанию дело, тянувшееся 40 лет.

При докладе Дмитрию Алексеевичу о делах Терской области, считаю необходимым предупредить Ваше превосходительство, что какое бы не было принято решение для чеченского вопроса, переселение карабулак в Малую Кабарду, а, следовательно, и малокабардинцев в Большую, с упразднением ст. Зольской, совершенно необходимо выполнить будущею весною; 1.800 семейств карабулак остались без земли; большая часть из них проживает с 1860 года во временном отводе, между казачьим населением на 11 тысячах десятинах; другая же расселена по ущельям 2-го Владикавказского полка, по аулам Чечни и даже Малой Кабарды. В этом положении племя это существовать не может, и никакие, даже жестокие меры не остановят его хищнических наклонностей а потому перевод карабулак и правильное расселение жителей в Малой Кабарде, составляет нашу заботу. Вот почему так важно решение Бековичевского вопроса; и я уверен, что Дмитрий Алексеевич убедится в необходимости окончить это дело. 5 сентября 1864 г." (Архив Сев.-Осет. Авт. Обл. Дело о переселении горцев в Турцию, по описи № 1).

О малоземелье, между прочим, пишет командующий войсками Терской области, при чем предлагает разрешить земельный вопрос посредством переселения горцев в Турцию.

„В разбросанности казачьего населения и в недостатке земель как для казаков, так еще более для местного населения заключается вся трудность и исключительность управления Терскою областью в сравнении с прочими частями Кавказа“. „С одной стороны—стесненность территории, происшедшая от водворения в пределах области 100-тысячного казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта их; с другой же—замкнутость края, лежащего между безводною степью и снеговым хребтом, лишает возможности вывести из пределов области беспокойное и малоспособное к принятию гражданственности чеченское племя. Между тем, племя это, уступив казакам почти половину своих земель, хотя и удобных для хлебопашества, но наименее важных для целей военных, успело сохранить за собою правую сторону р. Сунжи, в соседстве с Дагестаном, всю выгоду лесистой местности, изрезанной ущельями Черных гор.

Объем настоящего письма не позволяет мне изложить Вашему превосходительству во всей подробности причины и обстоятельства, приводящие меня к убеждению необходимости переселения чеченцев. Причины эти отчасти известны Вашему превосходительству из личных докладов моих государю великому князю и письменных донесений, когда я заявлял, что только в переселении жителей Большой и Малой Чечни на земли Малой Кабарды и сунженских казаков, в немедленном обложении чеченцев тогда же податями и в раз'единении этого племени от Дагестана твердою линиею казачьих поселений по предгорной полосе от Владикавказа до Кумыкской плоскости можно полагать окончательный исход чеченского вопроса, столь тесно связанного с делом прочного водворения нашего во всей Терской области и, может быть, отчасти и в Дагестане“.

„Теперь считаю крайне необходимым обратиться к Вашему превосходительству по предмету, возбужденному генерал-майором Кундуховым и могущему иметь влияние на дальнейшие действия в Терской области. Прибыв на-днях во Владикавказ, генерал Кундухов высказал мне предположение о возможности возобновить между туземцами Терской области стремление к переселению в Турцию. Он предложил взять на себя выполнение этого дела и уверен, что при тех мерах, которые он примет негласно, в течение летних месяцев уйдет до трех тысяч семейств.

Трудно судить еще, насколько выполнимо предположение это в настоящее время, после тех бедствий, которые перенесены туземцами здешнего края при уходе их в 60 и 61 годах; но, во всяком случае, предложение генерала Кундухова, по личному моему мнению, имеет для нас особую важность; и если ему удастся привести его в исполнение, то он бесспорно окажет нам огромную услугу даже и в том случае, если переселение состоится в меньших гораздо размерах, чем он предполагает. При настоящем недостатке земель в области и тех заботах, которые вызываются положением туземного населения в крае выход всяких ста семей, к какому бы племени они не принадлежали, за исключением кумыков и кабардинцев, где нет недостатка в земле, будет уже для нас облегчением“.

„Одним из главных условий успеха этого предприятия генерал Кундухов ставит полную негласность его личного участия в этом деле, и уверен, что никакие старания его не будут иметь благоприятного исхода, если только в населении сделается известным, что он действует с ведома правительства. Я обещал ему о сохранении этой негласности написать и Вашему превосходительству.

Генерал Кундухов заявил мне, что по исполнении этого дела он намерен поселиться в Одессе и даже, быть может, сам перейдет в Турцию. Одною еще из первых мер, которые он думает принять, для исполнения предпринятого им дела, есть отправление в Турцию своего семейства. Он высказал мне при этом надежду, что, в случае если участие его принесет пользу, то правительство не откажет в приобретении от него в казну пожалованной ему земли и выстроенного им на ней дома.

Побуждения, руководящие в этом деле генерала Кундухова, были высказаны им мне прямо: облегчая переселением в Турцию заботы правительства, он думает этою мерою спасти туземное население от бедствий, которые неминуемо постигнут эти племена в случае восстания. Давнее убеждение его в неизбежности такого восстания на восточном Кавказе, полагаю, известны и Вашему превосходительству.

Считаю необходимым, если только предложение генерала Кундухова будет одобрено его императорским величеством, сколько возможно, скорее дать ему дозволение приводить его в исполнение. Поэтому, покорнейше прошу Ваше превосходительство испросить разрешение государя великого князя и, в таком случае, сообщить мне об этом с первым отходящим курьером или же телеграфическою депешою“.

В ответ командующим войсками Терской области получена была телеграмма следующего содержания: „17 мая месяца 1864 года. Из Поти. Телеграмма № 198. Правительственная. Владикавказ, Командующему войсками. Великий князь согласен на предложение генерала К. Желаю полного успеха. Чем дальше—тем лучше. Карцов“.

Из цитируемого дела о переселении горцев в Турцию видны дальнейшие шаги Лорис-Меликова и Кундухова в этом направлении.

После того, как условия деятельности Кундухова были приняты краевой властью (покупка у него казной 2.800 десятин земли и дома стоимостью в 45.000 рублей, выдача ему 10.000 рублей на агитацию), он выехал в Турцию для выяснения вопроса о возможности и порядке переселения туда горцев.

23 августа 1864 года Лорис-Меликов получил от Кундухова письмо из Константинополя, где он говорит о своей беседе с министром иностранных дел Оттоманской империи Али-Пашей, о его „ласковом и вежливом приеме“. Выслушав сообщение о намерении краевой кавказской власти переселить горцев в Турцию, Али-Паша „обещал принять живое участие в делах будущих мухаджинов“ (л. д. 36).

7 октября 1864 года Кундухов известил Лорис-Меликова о благожелательном отношении турецкого правительства к данному начинанию (л. д. 37).

*„Милостивый Государь,
Михаил Тариелович!“*

Наконец, я получил от турецкого правительства желаемый ответ, и 15-го числа сего месяца отправляюсь в Одессу, где полагаю пробыть несколько дней с детьми своими и затем ехать день и ночь без остановки до Владикавказа.

От всей души пожелав Вам полного успеха во всех Ваших предположениях, имею честь быть

Вашего превосходительства
покорным слугою

Мусса Кундухов.

7 октября 1864 г.
Гор. Константинополь“.

О ходе начатой им работы Кундухов, по приезде, писал Лорис-Меликову следующее:

*„Ваше превосходительство,
Михаил Тариелович!“*

Я никогда не сомневался, что в Чечне число переселенцев будет больше, чем предполагалось. Теперь положительно знаю, что их так много, что при всем желании нашем в одно нынешнее лето невозможно переселить всех желающих.

В Назране тоже сильное желание к уходу, не менее того и в Малой Кабарде и в Эчкери. Вероятно, Вы получите от начальников тех округов (если они следят, как следует, за движением своих подчиненных) такие же сведения; следовательно, теперь нет причин сомневаться, что число переселенцев будет слишком большое, и потому в настоящее время лучшее мое желание состоит в том, чтобы переселение это совершилось в необходимых и возможных размерах. Иначе надо желать народу и себе зла" (л.д. 144).

Результаты агитации и переселения оказались кошмарными. Вот, что пишет об этом талантливый публицист и известный политический деятель Ахмед Цаликов в своей книге: „Кавказ и Поволжье“: ¹⁾ „Агитация Кундухова имела успех и как раз те части чеченского населения, которые казались русской администрации наиболее опасными и которые были намечены к выселению, и попались в искусно расставленные сети (курсив А. Цаликова). Переселенцы несколькими партиями отправились через Закавказье в Турцию. Повторилась та же история, что и с черкесами,—не было приготовлено ничего для приема переселенцев. Они болели, голодали и умирали массаами. Земли, отведенные им, оказались никуда негодными песками и камнем. Испытывая страшные бедствия, чеченцы повернули обратно к русской границе. Они изъявляли полную покорность, соглашались нести воинскую повинность; некоторые предлагали даже принять православие, лишь бы позволили им вернуться к родным пепелищам.

Но чеченцев прогнали от границы выстрелами. Мало того, по требованию русского правительства, турки отправили против чеченцев войска, которые ружейным и артиллерийским огнем прогнали их на отведенные им места жительства.

Положение чеченцев на новых местах было таково, что они вымирили массаами; многие же тайком переходили русскую границу и пробирались обратно на родину. За этими беглецами была устроена правильная охота; их перехватывали на пути и считали долгом отправить в Турцию; немно-

¹⁾ Ах. Цаликов. Кавказ и Поволжье. Москва, 1913 г.

гие удостоивались милости остаться на Кавказе. Из 22.000 слишком чеченцев-переселенцев через каких-нибудь 5-6 лет осталось только десять, остальные перемерли“.

Попытка разрешения земельного вопроса на Тереке посредством переселения части горцев в Турцию не удалась. Проблема малоземелья разрешена не была и в течение десятилетий служила причиной экономического обнищания населения и недовольства его политическим строем.

Говоря о земельном вопросе в Терской области, депутат от последней в Государственной Думе А. П. Маслов произнес 5 июля 1906 г. следующую речь: ¹⁾

„Я—депутат Терской области, с Кавказа, с того Кавказа, который в центральной России привыкли называть погибельным Кавказом. До сих пор многие не давали себе отчета, почему такое прилагательное давали Кавказу, и я сам этого не знал. Последние события, которые там совершились, дают основание мне думать, что это название Кавказа есть пророческое. Кавказ называли погибельным, т. е. обреченным русским правительством на погибель. Я позволю себе кратко остановиться на Кавказе и, в частности, на Терской области. Он населен казаками, туземцами и пришлыми русскими, так наз., народом иногородним. Земли все разделены между этими народностями, и главную часть, т. е. одну пятую всего населения, составляют казаки, но соотношение земли между теми и другими обратно пропорционально. Туземцы, состоящие из чеченцев, осетин и других народностей, находятся в ужасном положении. Земельный вопрос стоит у нас там чрезвычайно остро. Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения, напр., чеченцев: одна десятая, одна пятая, четверть, треть десятины. Если вы спросите, сколько у него земли, то он вам скажет, что земли столько, сколько помещается под его буркой. Земля стоит там дорого. Так, например, кусок земли под одной коровой стоит столько, сколько стоит сама корова. Такое положение заставляет невольно задуматься, каким образом они существуют“.

Далее Маслов говорит о малоземелье так наз. иногородних.

¹⁾ „Терские Ведомости“. 1906 г., № 126.

Что кавказская администрация не принимала никаких мер к поднятию экономического благосостояния крестьян Кавказа,—это видно из собственного признания наместника графа Воронцова-Дашкова, отмеченного в речи Чхеидзе при обсуждении в Государственной Думе кавказского запроса. Объясняя причины революционного движения на Кавказе, гр. Воронцов-Дашков во всеподданнейшей записке говорит: „Перенесение крестьянской вражды против помещиков на административных властей и недовольство государственным строем даже без содействия революционной пропаганды могли само собой возникнуть в представлении населения, видевшего только полное отсутствие заботливости о его нуждах со стороны правительства, не издавшего за 35 лет ни одного законоположения, которое изменило бы к лучшему хоть отчасти крестьянский быт на Кавказе“ (Кавказский запрос в Государ. Думе. Заседание 10 декабря 1908 г.).

Неудивительно, поэтому, если земельный вопрос не сходил со страниц местного официального органа—„Терские Ведомости“.

Административные же органы ограничивались сбором материалов по этому вопросу.

В 1905 году в Тифлисе устроено было совещание по рассмотрению аграрного вопроса в Нагорной полосе Терской области.

В 1906 году образована была Комиссия для исследования землепользования в той же полосе и в Карачае, Кубанской области.

В 1908 году комиссия завершила свою работу законопроектом по данному вопросу.

Затем, под председательством помощника наместника по военной части в Тифлисе, с перерывами, в течение 1909, 1910 и 1911 г. г., работало междуведомственное совещание, в итоге деятельности которого появился законопроект о землеустройстве в Нагорной полосе Терской области и в Карачае, Кубанской области.

Проект закона направлен был в Петербург для обсуждения в междуведомственном совещании.

Земельный вопрос в б. Терской области вообще, в Нагорной полосе ее в особенности, был поставлен на повестку дня Государственной Думы, но так и не был разрешен, ввиду вспыхнувшей мировой войны.

Между тем, вопрос этот давно требовал своего разрешения.

„Вопрос—отмечают „Труды“ комиссии по исследованию Нагорной полосы—о поземельном устройстве жителей Нагорной полосы, занимающей около $\frac{1}{3}$ территории Терской области, настолько уже назрел, а увеличивающиеся с каждым годом земельные недоразумения между населением достигли таких пределов, что всякое промедление в разрешении этого вопроса представляется более, чем нежелательным. Скорейшее окончание этого дела имеет, кроме решающего значения для самих жителей, существенно-государственное значение, как для охраны земельных интересов плоскостного населения, так и в смысле поддержания порядка и спокойствия в крае“.

В 1903 году газета „Терские Ведомости“ (№ 206), в заметке: „К земельным делам Нагорной полосы“, предупреждает, что в случае промедления с разрешением здесь земельного вопроса,—ожидается „еще большая путаница“.

„Нельзя поэтому не пожелать, чтобы этот вопрос не откладывался надолго“. В заключение заметка отмечает, что слухи о предстоящем разрешении земельного вопроса оживили население края.

Чтобы иметь представление о том, в каких тяжелых условиях живет человек в Нагорной полосе,—мы остановимся прежде всего на характеристике естественно-исторической обстановки этого края. Нужно заметить, что природа здесь однообразна, и описание картины одной части Нагорной полосы может служить иллюстрацией для характеристики природы всей полосы.

Вот, что, например, пишет Н. Тульчинский о пяти горских обществах Кабарды: „Суровая горная природа, тесные ущелья, скалы, камни, всюду разбросанные,—все это в совокупности является очень малою ареною для хлебопашества. Здесь, чтобы иметь хоть небольшой клочек земли, годный для культуры, горцам приходилось и приходится с чрезвычайными усилиями, шаг за шагом, завоевывать у скал и каменистой почвы гомеопатические клочки земли, для чего нужно было: очистить почву от камней, унавозить, а где требовалось—натаскать в мешках землю с других мест и, затем, провести целую сеть ирригационных каналов, взятых издали и искусно проведенных по горным кругам, и

все это для того, чтобы впоследствии снимать с этих клочков земли несколько копен ячменя или сена" (Н. Тульчинский. Пять горских обществ Кабарды. Терский Сборник, выпуск V).

Описывая Нагорную полосу б. Терской области, один из лучших знатоков края Георгий Цаголов в своей весьма обстоятельной работе: „Край беспросветной нужды“, между прочим, пишет: ¹⁾ „Трудно, невозможно допустить, чтобы человек попал в эти, поистине, „сверх-каторжные“ условия добровольно. Вышло это, вероятнее всего, против его воли... Толкнули его в этот негостеприимный уголок земли, в эту забытую небом „решетку“ роковые и неумолимые условия истории“.

Г. Цаголов подробно останавливается на истории обсуждения земельного вопроса в Нагорной полосе в различных инстанциях и на протяжении десятков лет. В заключительных главах автор приводит цифровые данные, показывающие, каково было земельное положение жителей Нагорной полосы.

„По сведениям комиссии по исследованию Нагорной полосы—пишет он—а также по данным, полученным после подробной хозяйственной с'емки, земельное положение в горах представляется в следующем виде.

	Пахотной земли	Покосной земли	Леса	Выгонов и пастб. земли	Всего
В 5-и гор. общ. Кабарды	0,26	1,4	2,7	11,8	16,16
„ Горной Осетии . . .	0,4	1,4	0,6	4,1	6,5
„ Горной Ингушии . . .	0,3	1,2	—	4,3	5,8
„ Горной Чечне . . .	1,2	1,7	—	2,3	5,2
„ Салатавии	0,7	0,8	—	2,4	3,9
Итого	0,57	1,3	—	4,9	7,5

Приводимая таблица подтверждает, во-первых, отзывы исследователей Нагорной полосы о том, что на развитие хлебопашества здесь нет никакой надежды. На долю пахотной площади, как свидетельствуют цифры, приходится самый незначительный процент имеющейся у горцев земли; она, эта площадь, составляет приблизительно 0,1 часть последней.

¹⁾ Г. Цаголов. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912 г.

Общая площадь покосных земель, по своим размерам, превосходит землю пахотную приблизительно в два раза.

Наибольший процент всей земельной площади приходится на выгоны и пастбища. Этот вид земельных угодий достигает в горах приблизительно 0,6 частей всей площади.

Таким образом, в Нагорной полосе почти вся земельная площадь (около 8/10), за исключением незначительной доли (0,1), приходящейся на пахоть, представляет из себя поверхность, годную только для скотоводства“.

Указывая на норму в семь десятин, приходящуюся в горах на душу мужского населения, автор отмечает, что эту норму ни в коем случае нельзя признать удовлетворительной.

„Сопоставление цифр подтверждает сказанное:

	Должно приходит. на муж. душу	В действит. приходится на м. д.	Не достае т до зем. про- дов. нормы
У горцев Кабарды	50	16,16	33,84
„ „ Осетии	50	6,5	43,5
„ „ Ингушии	50	5,8	44,2
„ „ Чечни	50	5,2	44,8
„ „ Салатавцев	50	3,9	46,1
Итого	50	7,5	42,5

Таким образом, в Нагорной полосе ощущается, как видно из таблицы, чрезвычайно острый земельный недостаток“.

„Следовательно, из каждых семи душ наличного населения мужского пола в Нагорной полосе за убогим столом природы имеется прибор только для одного человека, а остальные 6 человек должны встать из-за стола“.

Отдельные народности, населяющие Нагорную полосу находятся в таком положении:

	Какой % налич. мож. прож. на территор.	Избыточное насе- ление в %/о/о
У горцев Кабарды	33	67
„ „ Осетии	12	88
„ „ Ингушии	11	89
„ „ Чечни	10	90
„ „ Салатавцев	9	91

Таким образом, наибольшая перенаселенность наблюдается в Салатавии. За Салатавией в убывающей постепенности следуют Горная Чечня, Ингушия, Осетия и, наконец, пять горских обществ Кабарды¹⁾.

О положении горных ингушей в „Терских Ведомостях“, в 1891 году (№ 20) писали: „Земельный надел на наличную душу у горных ингушей достигает всего 1,5 дес. (в Джераховском обществе), а средний не превышает 1 десятины, при чем в Хамхинском и Мецхальском обществах не достигает даже и такой незначительной величины. К этому необходимо прибавить, что не мало пахотных и сенокосных участков, расположенных на территории горных ингушей принадлежат владельцам, живущим на плоскости; следовательно, фактические размеры земельных владений горных ингушей должны быть еще менее приведенных“.

Один из видных общественных деятелей на Тереке— Г. В. Баев в статье: „Ингуши“, между прочим, говорит: ¹⁾ „Обработка земли дает лишь настолько, чтобы не умереть с голоду при самых скромных требованиях ингушей в пищу“.

Картина жизни горцев ярко изображена, между прочим, в книге Ах. Цаликова: „Кавказ и Поволжье“. В ней он приводит цитату из статьи об ауле Тамиск (Осетия), помещенной в владикавказской газете „Голос Кавказа“ (1907 г., июнь, № 6).

„Аул Тамиск производит страшное впечатление по внешнему виду. Деревянные дома на курьих ножках едва прикрыты соломой, без окон и печек. Околица заросла мелким кустарником. Кругом лес. Не видно ни коровы, ни телка. Но еще печальнее он по внутреннему содержанию: в антигигиенической обстановке валяются в лохмотьях маленькие дети, больные мужчины и женщины и престарелые старики. Хроническое голодание, болезни и нищета заедают несчастных жителей.“

Дети до 10 лет не знают обуви. Не лучше одеты и взрослые. Мне приходилось видеть таких людей, которые живут в одной паре белья по целым годам. Причиной этой полунищенской жизни является малоземелье или, вернее, безземелье.

¹⁾ Г. В. Баев. Ингуши. „Кавказский Вестник“. 1901 г., № 10.

Над Тамиском полновластно царит постоянная нужда в насущном хлебе.

К этому общему бедствию необходимо прибавить и ежегодно возрастающие арендные цены. Увеличиваются и расходы на общественные нужды. Раскладка в Тамиске колеблется от 12—25 на дым.

Сейчас в Тамиске 50 подростков обоего пола, остающихся вне школы. Нет в ауле и медицинской помощи, хотя население верит докторам, которых называет земными богами.

Ко всему этому Тамиск лишен последнего средства к существованию—леса, который густым кольцом окружает село.

В 1888 году местное лесничество незаконно отобрало все леса, проходящие черной полосой по предгорьям Кавказа.

И теперь население не только не может продавать изделия из леса, но нет даже достаточного отопления. Строевой лес приобретает населением по весьма дорогой цене“...

Говоря о жизни Тамиска, Ах. Цаликов пишет: „В силу такого положения жители Тамиска ежегодно, с наступлением весны, отправляются на плоскость, где одни арендуют клочки земли, другие ищут заработков во время полевых работ.“

Они являются поденщиками и батраками, при полном отсутствии понятия о рабочем дне и правильной нормировке заработной платы.

За самую нищенскую плату работают они от зари до зари...

Разве нужны еще комментарии для того, чтобы ясно понять и почувствовать весь ужас развертывающихся картин горской жизни?!“...

Таково положение жителей Нагорной полосы.

Но как обстояло дело на плоскости?

Насколько велика была земельная нужда у значительной части плоскостных горцев,—это видно из следующих данных, напечатанных в статье Гаврилова в III выпуске „Сборника сведений о кавказских горцах“. Автор приводит нормы надела на плоскости в 60-х годах прошлого столетия. Так, нормою надела на дым для Большой Кабарды признали (в 1865 году) 36 десятин; для Надтеречного наместства,

образовавшегося из выселенных на плоскость чеченцев— 33 десятины (1863 г.); назрановский участок получил в 1866 году по 18 десятин, Вольно-Христианский и Вольно-Магометанский аулы по 24 десятины, о чем им и объявлено было 24 февраля 1868 года; аул Ардон и Салугардон получили (1864 г.) по 24 десятины. Таким образом, средней нормой подъемного надела на плоскости можно принять 27,5 дес. (в расчет вошел и аул Баргуны, Надтеречного наместничества, который, вследствие хорошего качества занятых им земель, получил лишь около 18 дес. на дым).

В частности, надел назрановцев еще в 60-х годах прошлого столетия признан был недостаточным. В архивных материалах Ингушского Архивного Бюро мы находим об этом сведения: „На каждый двор назрановцев 17 дес. 1520 к. с. Надел этот комиссия ни в каком случае не признает удовлетворительным“ (Из доклада комиссии по правам личным и поземельным туземцев Тер. обл. 7 октяб. 1865 г., № 632).¹⁾

На рапорте начальника Терской области от 2-го апреля 1866 г. за № 1015 значится мнение помощника главнокомандующего кавказской армией: „Надел признаю недостаточным“ (17 дес. 1500 к. с.).

По новым данным Г. Цаголова („Край беспросветной нужды“), земельная нужда плоскостных туземцев подверждается следующей таблицей:

	Число селен. с дост. над.	Число малоземельных селений	С дост. зем. надел. %/о	Селен. малоземел. %/о
			отнош.	отнош.
В Кабарде . . .	23	20	53	47
„ Осетии . . .	3	15	16	84
„ Ингушии . . .	2	15	11	89
„ Чечне . . .	13	44	23	77
На террит. кумык.	15	9	62	38
Итого .	56	103	35	65

„Из приведенных таблиц видно, что к территории каждой из населяющих Нагорную полосу народностей примыкают земли их плоскостных единоплеменников, также переживающих в земельном отношении не совсем веселые дни.

Из 159-ти селений туземцев плоскостной части Терской области только в 56 селениях, составляющих 35% общего числа селений, размер земельных наделов не опустился ниже продовольственной нормы.

В остальных же 103-х селениях земельные наделы опустились уже ниже нормы.

Таким образом, 65% всего числа плоскостных туземных селений должны быть признаны малоземельными“.

Итак, малоземелье—факт, который констатируют все выдающиеся знатоки края на основании целого ряда статистических данных. Официальные организации, различные комиссии и даже иногда отдельные представители кавказской администрации также признают этот факт. Различные точки зрения существовали лишь по вопросу о размерах земельной нужды.

Наш анализ земельного вопроса на Тереке в дореволюционную эпоху был бы не полон, если бы мы не коснулись еще и других явлений, имевших место у некоторых горских народов,—явлений, которые осложняли разрешение аграрной проблемы в крае. Мы говорим о сословном вопросе и классовой борьбе на Тереке.

В статье М. С—ина „Двадцатипятилетие освобождения зависимых сословий на Северном Кавказе“, напечатанной в 1892 г., в № 61 газеты „Терские Ведомости“, мы читаем, что в „Чечне, у ингушей и в Нагорном округе сословности никакой не было и холопы—рабы являлись здесь, под влиянием соседних племен, как исключение“.

Зато рабство и сословное деление особенно укрепились в Кабарде. Поэтому освобождение зависимых сословий началось с Кабарды.

В то время, когда на Кавказе утверждалась русская власть, кабардинцы, жившие в Большой Кабарде, находились под господством четырех княжеских фамилий: Кайтукиных, Бек-Мурзиных, Мисостовых и Атажукиных, а Малая Кабарда под господством Бековича, Ахлова и Таусултанова.

„Сословность была отличительной чертой этой народности, среди которой насчитывалось 11 отдельных сословий“ (Некоторые сведения о Кабарде и об освобождении в ней зависимых сословий. „Тер. Вед.“ 1892 г., № 29).

Пуш—князя стояли во главе народа.

¹⁾ Дело б. Тер. обл. чертежной, 5 отд., по описи № 4017, № 611.

За ними следовали *вурки* или *уздени* трех степеней, при чем первая степень, хотя и подчинялась князьям, но считалась владетельной наравне с ними.

Уздени—(дворяне) второй и третьей степени могли иметь свои деревни и своих крестьян, но причислялись с ними к владению одного из узденей первой степени.

Уздени—пшехао соответствовали русским княжым отрокам или конвойным князя.

Затем следовали зависимые сословия: вольноотпущенники (азатами), оги (собственно крестьяне), логунапыты (дворовая прислуга) и упауты. Все эти сословия были освобождены от зависимости русским правительством с 18 ноября 1866 г. до половины марта 1867 года, т. е. ровно 25 лет тому назад.

Азатами, будучи отпущены или выкупившись на волю, все-таки не имели права оставить аул своего владельца без его согласия, и в этом одном отношении свобода их была стеснена.

Оги или крестьяне прежде всего обязаны были по отношению к своему владельцу известным трудом. Все работники мужского пола из огов должны были в косовицу три дня косить на владельца, убирать сено два дня и доставить его в аул. Из своего посева они обязывались с каждой пары волов употребляемой на пахоту, вносить в пользу владельца 60 мер проса и, помимо того, доставлять ему от 2 до 4 арб (60—120 мер проса и от 7 до 10 возов дров). Кроме того, они строили и ремонтировали все здания владельца, кормили его гостей, вносили деньги или давали скот в различных случаях жизни, например, при женитьбе сына владельца, при своем семейном разделе и т. п. Над личностью огов помещики имели довольно ограниченные права.

Логунапыты состояли на иждивении своих владельцев и производили все домашние и полевые работы по указаниям их. Как оги, так и логунапыты могли выкупаться на волю и перейти в разряд азатами только с согласия своего владельца за сумму от 150 до 500 рублей за мужчину.

Упауты и упаутки (бесправные) жили при владельцах безотлучно и исполняли все работы. Они лишены были права иметь постоянную семью, и жили, с разрешения владельца, с лицами различных сословий.

Общее число освобожденных с 18-го ноября 1866 г. до половины марта 1867 года простиралось до 21.221 души обоего пола („Тер. Вед.“ 1892 г., № 29).

В Осетии сословное деление сложилось в связи с политическим господством здесь Кабарды.

Господствующим сословием в Тагаурском ущельи были алдары, а в Дигории—баделяты, саргасаты и гагуаты.

Все они имели своих крепостных: в Тагаурском ущельи они носили название фарсаглигов, а в Дигории адамихатов. Кроме того, алдары имели кавдасардов, баделяты—кумиаков. Это—лица, рожденные от наложниц и привилегированных людей; между ними существовало родство; они несли повинности и имели права, принадлежавшие лицам привилегированных сословий; однако, в течение нескольких поколений не могли уйти от своего господина, что превращало родственные отношения в рабство (М. С—ин. Двадцатипятилетие освобождения зависимых сословий на Северном Кавказе. „Тер. Вед.“ 1892 г., № 61).

С февраля 1867 года в Осетии началось освобождение зависимых сословий.

У кумыков также существовали зависимые сословия: чагары и теркеменцы, „ближе всего подходившие к крепостным, и кулы или собственно холопы“. За пользование землей привилегированных сословий чагары отбывали им повинности. Перемена местожительства допускалась лишь с разрешения владельца крепостных. Чагары и теркеменцы могли приобрести землю и получить свободу при условии взноса выкупа. Кулы были совершенно бесправными рабами: они не имели ни собственности, ни права распоряжения в своей семейной жизни.

Освобождены были чагары, теркеменцы и кулы вслед за освобождением зависимых сословий в Кабарде.

„Увидя невозможность сохранить рабовладельческие права, привилегированные сословия кумыков, подобно кабардинским, поспешили изложить те основания, на которых должно было совершиться у них освобождение зависимых сословий. Однако, эти основания были настолько тяжелы, что правительство не могло признать их и решило открыть здесь посреднический суд на одних основаниях с кабардин-

ским, возложив на него обязанность содействовать добровольным сделкам по выкупу между владельцами и зависимыми сословиями“.

В общем, с 18 ноября 1866 г. к началу июля 1867 г. получило свободу 23.976 душ обоого пола, принадлежавших к зависимым сословиям теземцев Северного Кавказа; на долю кабардинцев приходилось свыше 88,5% всех освобожденных.

Нижеприводимая выдержка из копии с записки о Терской области (август 1864 г.), встретившаяся нам в деле о переселении в Турцию, иллюстрирует тесную связь сословного вопроса с аграрной проблемой на Тереке.

„ 1. В Осетинском округе с утверждением представленного мною в июне этого года доклада о поземельном наделе тагаурских осетин и с выселением в Кубанскую область 100 алдарских семейств, составляющих высшее там сословие, занятия комиссии будут состоять только в межевых работах и проверке имеющихся посемейных списков, чтобы, вместе с закреплением за тагаурцами земли, можно было приступить к определению подати.

Поземельное дело участка Алагиро-Мамисонского не сложно, потому что решение его зависит только от отделения излишних заводских земель в размере 2 т. десятин, для правильного надела жителей; с этой целью получено уже предписание наместника о немедленном наряде смешанной комиссии.

Доклад о Дигорском участке, уясняя отношения жителей к баделятам, высшему там сословию, даст нам возможность закончить в нем поземельный и податный вопрос, подобно Тагаурии.

Ходатайство мое о выселении алдар от существующего недостатка земли для прочих жителей имеет главнейшею целью оставить в Осетинском округе, занимающем весьма важную для нас местность на Кавказе, население чисто христианское, тем более, что алдары, устраняя до сих пор последнее от прямого нашего влияния, одни только и получали все выгоды от посредничества, принятого ими на себя не только между нами и христианами округа, но и между местною властью и мусульманским населением всего чеченского племени.

При осуществлении мысли алдар (хотя в Осетии и останутся еще три мусульманских аула, но они, как не принадлежащие к высшему сословию, не могут уже никаким образом влиять на прочее население округа),—остающийся затем десяток семейств дигорских баделятов не может быть нам вреден; а если бы и найдено было впоследствии необходимо, то не представится труда выселить и их на условиях, предоставленных алдарам.

Один только генерал-майор Туганов, за которым высочайше закреплены обширнейшие и лучше земли, составляющие треть всей Дигории, в размере 12 тыс. десятин, поэтому, должен, к сожалению, быть оставлен, во всяком случае, на владельческом праве в этом участке.

2. В Кабарде поземельный вопрос и следствие его—подать находятся в полном ходу; с получением же высочайшего утверждения проекта надела кабардинцев землей, приступлено будет к определению окружной межи по разграничению Кабарды от соседних горских обществ, расположенных по северному склону Кавказского хребта, и затем уже к внутреннему расселению кабардинских аулов, при чем особенно имеет в виду уменьшить их дробность, что весьма много вредит успеху администрации и развитию промышленности. Чем скорее может это совершиться, тем удобнее будет обратиться к делу податей, к которому население уже совершенно подготовлено.

3. Поземельный вопрос в Кумыкском округе,—где вся земля, в количестве 400 тыс. десятин, в руках шестидесяти собственников из княжеского и узденского сословий—приводится разбором и окончанием давних поземельных споров с помощью мировых соглашений или определения оных решениями комиссии на документах, давность которых превышает сто лет. Население округа, состоящее из 5 тыс. семей, кумык и ногайцев, доселе в земельном довольствии зависившее от собственников земли и слабо огражденное от их произвола народным обычаем, настоятельностью комиссии обеспечивается состоявшимся в июне с. г. актом, которым кумыкские землевладельцы предоставляют безвозмездно народу $\frac{2}{5}$ всей земли и воды в полную его собственность. При таком благоприятном исходе вопроса предстоит ныне

только разверстание у кумык земли, для совершения которого приговорительные межевые работы деятельно приводятся к окончанию.

4. В 3-х горных округах—Аргунском, Ичкеринском и Нагорном—решение тех же вопросов неразрывно связано с обложением податями, как округов Терской области, так и самого Дагестана. Влиять же на ход дел в прочих частях Терского края названные округа не в состоянии" (Архив Сев.-Осет. Авт. Обл. Дело о переселении в Турцию, по описи № 1, л. д. 26, 27, 28, 29).

Эта выдержка из архива о переселении в Турцию показывает нам, насколько остро стоял земельный вопрос на Тереке в связи, между прочим, с сосредоточением громадного количества земель в немногих руках представителей высших сословий туземцев.

Приведенный документ является лучшей иллюстрацией тяжелого положения трудящихся горцев в земельном отношении: даже краевая власть сама находит целесообразным выселение алдар и баделят с тем, чтобы оставшиеся после выселения землю удовлетворить широкие массы. Указывая на сосредоточение в руках Туганова 12.000 десятин земли, автор записки о Терской области пишет, что генерал „должен, к сожалению, быть оставлен, во всяком случае, на владельческом праве“.

Жители сел. Туганово долго вели борьбу с землевладельцами Тугановыми, имевшими обширные земли¹⁾.

В цитированной нами записке (пункт 3) есть прямое указание на зависимость населения в отношении земельного довольствия от крупных земельных собственников и на произвол со стороны последних.

Интересно отметить, что представители т. н. высших сословий на протяжении десятилетий отстаивали свое привилегированное положение.

Так, в статье Андрея Медоева: „Сословный спор в Осетии“ („Тер. Вед.“ 1899 г., № 65), мы читаем:

¹⁾ См. статью Д. А. Дзагурова: „Страничка из социально-экономической истории Дигории“. Журн. „Известия Осетинского Научно-Исследовательского Института Краеведения“, Владик., 1925 г., № 1.

„Приезд начальника главного управления казачьих войск генерала-лейтенанта Щербова-Нефедовича в Терскую область возродил в Осетии старый, в последнее время утихший было, спор о сословных правах некоторой части Осетии. 2-го августа в слободе Алагир его превосходительству подано прошение от имени баделят (потомков Бадели) о даровании им дворянского достоинства. Узнав об этом прошении, доверенные от трех сельских обществ—Христианского, Магометанского и Новоурухского на другой день, 3-го августа, с своей стороны также подали прошение, в котором они оспаривают претензии баделят“.

В 1901 году в „Терских Ведомостях“ (№ 14) помещена была статья под заглавием: „Столбовые дворяне“. В статье сообщается, что группа осетин возбудила ходатайство о причислении ее к сословию потомственных дворян.

В том же году появилась заметка „К сословному вопросу туземцев Северного Кавказа“ („Т. В.“, № 36), в 1907 г.: „К вопросу о сословной комиссии“ („Т. В.“, № 236), в 1912 г. мы находим в названном органе печати заметку о дворянском представительстве в Терской области („Т. В.“, № 249).

Итак, некоторая часть горского населения, считавшая себя потомками благородного сословия, долго не могла расстаться с мыслью о своем особом, привилегированном положении, добиваясь высокого дворянского звания.

Однако, на ряду с этим явлением в горской деревне мы наблюдаем и определенное деление жителей на классы.

Вот, что, наприим., пишут „Терские Ведомости“ в 1899 г.

„В настоящее время в силу разных причин и под влиянием целого ряда неблагоприятных условий, среди аульного населения наблюдается страшная хозяйственная дифференциация. С одной стороны мы видим буржуазию, сельских „богачеев“, имеющих иногда довольно солидные средства. С другой—аульную гольтьбу, в лучшем случае имеющую одну лошаденку или пару еле-еле двигающих ноги быков. Нужно ли говорить, что представители этой последней группы аульного населения не всегда бывают в силах всковырять или выкосить тот клочок земли, который выделяется им, как членам данной общины. А если кто и берется вспахать или выкосить свою землю, то почти всегда ограничивается одной десятиной, оставляя большую часть надела

неиспользованной для себя. Напротив того, сельские „буржуи“, при своих денежных средствах, при своем солидном хозяйственном инвентаре и постоянной возможности пользоваться наемной рабочей силой, никогда не ограничиваются своими делами. Они всегда ощущают потребность в земле и эту потребность, само собою разумеется, не оставляют неудовлетворенной“.

„Зоркие глаза богатея“ не могли не видеть, что все-таки в веках волею судеб и злого рока из году в год сильно увеличивается количество безлошадных и разной голытьбы, которая не может вовсе или же частью использовать надель. Сердце его почуяло, что здесь открывается широкое поле деятельности, и работа закипела.

Я не ошибусь, если скажу, что в настоящее время, если не большая, то, во всяком случае, довольно значительная часть надельной земли сосредоточена в руках сельской „буржуазии“ (Г. Цаголов. Заметки из осетинской жизни. „Т. В.“ 1899 г., № 138).

Уже приведенные факты и документы достаточно свидетельствуют о том, насколько острую форму принял аграрный вопрос на Терек.

Что это так, мы еще более можем убедиться, указав просто те заметки и статьи, которые встречаются нам, когда мы просматриваем „Терские Ведомости“.

Аграрный вопрос в течение десятилетий не сходит со страниц местного официоза. Вот перечень наиболее важных статей и заметок по этому вопросу:

„Заметки из осетинской жизни. Из истории сельской буржуазии“—1900 г., № 6, „Столбовые дворяне“—1901 г., № 14, „К сословному вопросу туземцев Северного Кавказа“—1901 г., № 36, „К земельному вопросу Нагорной полосы Терской области“—1901 г., № 41, „Еще о поземельном вопросе Нагорной полосы Терской области“—1901 г., № 54, „Поземельный вопрос в плоскостной Осетии“—1901 г., № 134, „Арендные цены на землю“—1903 г., № 160, „К земельным делам Нагорной полосы“—1903 г., № 206, „Комиссия по улучшению быта осетин“—1905 г., №№ 112-115, „Доклад о мерах к поднятию благосостояния среди туземного населения Терской области“—1906 г., № 51, „К вопросу об улучшении экономического быта туземного населения“—1906 г., № 79, „К вопросу об улучшении экономического быта Терской

области“—1907 г., № 41, „К вопросу о сословной комиссии“—1907 г., № 238, „К земельному вопросу Нагорной полосы“—1909 г., № 3, „Как поднять экономическое положение горцев“—1910 г., № 77, „Край беспросветной нужды“ (Г. Цаголова)—1912 г., № 82 и сл., „К предстоящему обсуждению земельного вопроса Нагорной полосы в Гос. Думе“—1913 г., №№ 200 и 201, „О малоземельи“—1913 г., № 270.

„Ни продовольственных капиталов, ни запасных магазинов не существует,—писал в 1914 году член Государ. Думы М. А. Караулов,—почему в случае неурожая население вынуждено обращаться к казенной помощи. Нет никакой агрономической помощи, и население коснеет на самых первобытных ступенях культуры“ („Т. В.“ 1914 г., № 17).

Итак, тяжелое экономическое положение широких горских масс не подлежит никакому сомнению.

Безысходная нужда, как следствие малоземелья, происхождение которого связано с совокупностью естественных и социальных причин, отмеченных нами выше,—такова картина горской деревни.

С какими же мы встречаемся средствами для разрешения аграрной проблемы на Терек?

Эти средства можно разбить на две основные группы: а) правительственные и б) изысканные самими крестьянами в борьбе за существование.

Созданное самой же администрацией малоземелье она пыталась разрешить, как мы видели, посредством переселения части горцев в Турцию.

Переселение не ликвидировало малоземелья, но зато еще более враждебно настроило горцев против краевой администрации.

Другим административным способом разрешения земельного вопроса нужно считать мысль об отправке на фронт, во время войн России с другими странами, части горского населения.

В мае 1863 г., в записке о Терской области, переданной начальнику главного штаба, написано было так: „Было бы очень полезно, если бы теперь же из чеченцев был бы набран полк и отправлен для военных действий в Польшу, о чем я имел счастье лично докладывать его императорскому высочеству. Эта мера действительно избавила бы нас от

более беспокойной части населения, которая тяготеет к бездействию на родине" (Дело о переселении туземцев Тер. обл. в Турцию, по описи № 1, л. д. 4).

Так было и в 1904 году, когда в административных сферах признано было целесообразным организовать ингушские полки для отправки их на русско-японский фронт. Этим предполагалось избавиться от „беспокойного“ населения, которое, благодаря малоземелью, влачило жалкое существование, изыскивая в суровой борьбе за жизнь различные пути как легальные, так и нелегальные.

В самом деле, среди средств, изысканных самими крестьянами в борьбе за существование, мы находим, между прочим; воровство и грабежи.

Еще в 60-х годах прошлого столетия, в делах б. Терской областной чертежной (5 отд., по описи № 4017 и № 611, 1863 г.), встречается указание на связь между грабежами и воровством с земельным недостатком. „Карабулакам принадлежала земля между р. р. Натхой и Фартангой, пограничной с Чечнею, но за сопротивление русской власти была отобрана гр. Евдокимовым и отдана чеченцам. Кроме того, с водворением 2-го Владикавказского казачьего полка весьма большая часть карабулакской земли отведена этому полку, а равно и вся плоскость от р. Ассы до Сунженских гор занята казаками Сунженского полка“. „Такая значительная потеря гибельно отражается на целом Карабулакском обществе. Отсюда воровство, грабежи и преступный промысел на счет ближнего“.

О назрановцах в том же деле говорится, что скудость составляет „одну из главных причин склонности их к воровству“ (Доклад комиссии по правам личным и поземельным туземцев Терской области, 7 октября 1865 г., № 632).

Впоследствии грабежи и разбои приняли в крае настолько широкие размеры, что владикавказская городская дума вынуждена была избрать особую комиссию для выяснения причин этого явления. „Труды“ комиссии также констатируют связь между преступностью и тяжелым экономическим положением туземного населения.

Из иных форм разрешения аграрного вопроса самим крестьянством следует отметить: детоубийство, переселение из гор на плоскость, из одной местности в другую, кол-

лективную скупку земель в собственность, аренду земли, эмиграцию за рубеж, в частности в Америку и, наконец, аграрные движения.

Но прежде, чем говорить об этих фактах, мы отметим другие явления, имевшие место в горской действительности.

Голод и его постоянный спутник—эпидемические болезни часто уносили не мало жертв, регулируя тем самым движение населения. „До сих пор еще в горах—пишет Г. Цаголов—приходится встречать развалины подобных вымерших поселений. Еще издали горец—проводник, указывая вам на них с суеверным страхом начинает объяснять, что там жили когда-то люди и потом все до единого вымерли от какой-то страшной болезни“ („Край беспросветной нужды“).

Тот же автор отмечает, что, напр., у осетин на почве крайней нужды прибегали к детоубийству.

Об этом жутком явлении пишет и Е. Максимов: „Бесплодные скалы их ущелий не давали почти ничего, привоз хлеба с плоскости был невозможен, и Осетия постоянно опустошалась голодом, детоубийством, вызванным тем же недостатком в питании“ (Тер. Сбор., вып. II).

Если одни в борьбе за существование вынуждены были обращаться к столь бесчеловечным средствам, как детоубийство, то другие для решения земельного вопроса отыскивали иные дороги.

Так, многие жители Нагорной полосы оставляли свои орлиные горные высоты и спускались вниз, на плоскость.

„Терские Ведомости“ передают факты о переселении некоторых жителей даже за пределы Терского края. „Новому Обозрению“ пишут из Владикавказа: „в последнее время стало замечаться усиленное переселение осетин Дигорского и Куртатинского обществ на Кубань, в Кабарду и другие места Терской области. Явление это объясняется тем, что большая часть пахотной земли, а также лесных и покосных участков сосредоточена в Дигории в руках немногих землевладельцев, принадлежащих к т. н. „привилегированному“ сословию, известному под названием „баделят“. Некоторые из них владели участками земли от 500 до 13.000 десятин. Все же остальные дигорцы, засевшие в малодоступных диких горных ущельях, владеют крохотными участ-

кам, заключающими в себе от 400 до 1.700 кв. саж. Обработка подобных участков, разбросанных в диких ущельях, по склонам гор и, вообще, на покато́й местности каменисто-песчаного характера, само собою разумеется, сопряжена с большими трудностями, потому что требует ежегодного удобрения. Сильные же дожди, идущие в горах довольно часто, и опустошительные ураганы нередко не только окончательно уничтожают посе́вы, но даже срывают и самый слой земли, годный для хлебопашества, сносят его к руслу шумных горных речек и превращают поле, перед ливнем зеленевшее хлебную растительностью, в каменисто-песчаную покато́сть. Неудивительно поэтому, что те небольшие горные участки, величиною не более $\frac{1}{2}$ десятины, которые природою защищены от опустошительного действия ливней и ураганов, достигают необыкновенно высокой ценности и нередко продаются за 400—700 рублей каждый.

Недостаток земли и, вообще, неблагоприятные условия земледелия заставляют горных осетин арендовать под пахоту и покос земельные участки на плоскости, у казаков, проживающих в близ лежащих станицах, и у местных помещиков, при чем многие осетины нередко удаляются от своих аулов для полевых работ на арендуемых участках верст за 80 и более. Но туземные помещики в последнее время стали предпочитать осетинам русских переселенцев, потому что последние, за недостатком денег, принуждены бывают арендовать землю по системе половничества, что, конечно, доставляет землевладельцам, при полном закабалении переселенцев, возможность получать хорошие барыши, а также немецких колонистов и эстонцев, которые за каждую десятину предлагают более высокую арендную плату. Это обстоятельство, поставив горных осетин в безвыходное положение, заставило их подумать о приобретении в вечную собственность земельных участков на стороне, за пределами Владикавказского округа и даже Терской области. А так как число крупных землевладельцев, желающих продать участки, в Кабарде весьма значительно, то жители многих горных аулов Осетии и устремились в те части Нальчикского округа и Сунженского отдела, которые носят название Большой и Малой Кабарды. Однако, эта первая попытка осетин не увенчалась успехом, потому что в Кабарде оказались опас-

ные конкуренты в лице тавричан, которые, заручившись солидными суммами денег, изъявили готовность скупить землю большими участками, а каждый осетин, имея ничтожный капитал, мог приобрести участок лишь в 30, 50 и редко в 100 десятин, на что, конечно, не мог согласиться ни один крупный кабардинский землевладелец.

Владея в горных ущельях маленькими земельными участками, переходившими в течение многих веков по наследству из рода в род, горные осетины были совершенно незнакомы с характером общинного землевладения. Однако, впоследствии, осетины, наученные опытом немецких колонистов и русских переселенцев, успешно пристроившихся во многих пунктах Терской области, пришли, наконец, к тому убеждению, что „один в поле не воин“, и что, следовательно, успех возможен лишь при наличии значительного капитала. Ввиду этого, из многих горных аулов (по 1 и по 2 семейства из каждого) малоземельные осетины соединились в несколько партий и явились в Кабарду и Кубанскую область, обладая на этот раз всеми средствами для успешной борьбы с тавричанами и другими искателями земли“.

„Из числа этих осетинских переселенцев 44 семейства дигорских аулов Мастинок, Вокау, Комунта, Лесгор и Колпахта общими силами, за 27.480 руб., недавно купили в Кабарде по течению реки Лескен, недалеко от Кайсын-Анзоровского аула, 916 десятин роскошной земли под пахотой, лесом и покосом, принадлежавшей раньше кабардинским узденям Хабшу, Умару и Тотлостану Коголкиным, которым тавричане предлагали за ту же землю не более 15.000 рублей“.

„Если поименованные выше партии осетин и имели успех, то этого нельзя сказать о тех малоземельных горных осетинских аулах, жители которых до этого бедны, что не в состоянии даже и соединенными усилиями собрать денежные средства, достаточные для покупки крупной земельной собственности“ (О переселении осетин на Кубань, в Кабарду и другие места Терской области. „Терские Ведомости“. 1890 г., № 40).

Малоземельные горцы вынуждены были поэтому арендовать землю у частных владельцев или у станичных обществ.

Но и тут малоземельных судьба не баловала, так как арендная плата с каждым годом стремительно росла. В цитированной нами статье: „Сельская буржуазия и надельные земли“ указывается на то, что прежде (статья напечатана в 1899 году) потребность в земле удовлетворялась путем аренды ее у казаков или у частных землевладельцев, но сильное повышение арендной платы поставило крестьянство в весьма затруднительное положение.

В 1903 г. „Терские Ведомости“ (№ 160) подняли вопрос об арендных ценах на землю, в 1912 г. Г. Цаголов в своей работе: „Край беспросветной нужды“ привел по тому же вопросу ряд цифровых данных из „Трудов“ комиссии по исследованию Нагорной полосы.

„Уплачивают ежегодно за аренду земли:

Горские общества Кабарды	65.570 руб.
Осетины	230.628 „
Ингуши	49.943 „
Чеченцы	400.000 „
Салатавцы	30.938 „
Итого	777.079 руб.

Те же данные в переводе на цифры относительные выразятся в следующей таблице.

На одну мужскую душу приходится арендного расхода:

В 5-ти горских обществах Кабарды	6 руб.
„ Горной Осетии	10 „
„ Ингушии	8 „
„ Чечне	8 „
„ Салатавии	4 „

В Нагорной полосе вообще . . . . . 7 руб.

Приведенные таблицы дают представление о распространенности аренды, а также об ее тяжести. Более сильно тяжесть эта ощущается в Горной Осетии и сравнительно слабее—в Салатавии. Чечня и Ингушия по тяжести арендной платы приближаются к Осетии.

Вообще же, в среднем, каждой наличной душе мужского населения в горах приходится уплачивать ежегодно за арендную землю около 7-ми руб.

Приведенные цифры отделены от настоящего момента пятилетнею, приблизительно, давностью. С того времени, надо полагать, тяжесть эта усилилась более“.

Благодаря малоземелью, острота которого усугублялась высокими арендными ценами на землю,—часть трудовых горцев обратилась к другим источникам средств существования: к кустарной промышленности, к предложению своей рабочей силы в местной горной промышленности; кроме того, многие стали уезжать на заработки далеко от родных сел, за рубеж.

Кустарная промышленность в б. Терской области была слабо развита. Количественно и качественно она особенно развилась в Дагестане.

Что касается участия горцев в качестве рабочих в местной горной промышленности, то, ввиду малых размеров ее, участие это выразилось, главным образом, в работах жителей Алагирского района на известных Садонских рудниках.

Перейдем теперь к эмиграции горцев в Америку.

Горцы, преимущественно осетины, оставляют родные села и маленькими и большими группами в 200—300 человек едут в Америку на заработки.

„Горная промышленность—говорит Г. Цаголов ¹⁾—нам нужна в интересах трудовых элементов населения... Не нужно забывать, что некоторые районы нашего края давным давно уже страдают перенаселением, в самом тяжелом значении этого слова“...

„В Нагорной полосе земли хватает только 1/5 части населения, или для 20⁰/о, а остальные 80⁰/о являются лишними ртами.

Обратимся к абсолютным цифрам.

Все население Нагорной полосы достигает 187.193 душ обоого пола. Из всего этого числа, таким образом, в Нагорной полосе сельско-хозяйственным трудом может существовать 1/5 часть, или—37.438 душ обоого пола.

Что касается остальной подавляющей части в 149.752 души обоого пола, то она, волей-неволей, должна обращать свои взоры к другим отраслям труда...

И она, действительно, обращает их...

Часть горцев скитается по заводам и приискам Канады, дальнего запада С.-А. Соединенных Штатов и даже холодной, негостеприимной Аляски...

¹⁾ Г. Цаголов. Горнопромышленное дело. „Т. В.“ 1912 г., №№ 62, 63.

Часть идет в приисковые районы Сибири...

Многие рассыпались в качестве стражников или просто рабочих по бесчисленным экономиям Европейской России.

Иные переваливают в Закавказье на нефть, марганец и медь“...

Однако, наиболее массовый характер носило движение в Америку.

В статье В. К.: „На заработки в Америку“ указывается, между прочим, что „движение горцев осетин на заработки в Северную Америку захватило отчасти и другие национальности нашей области“ („Т. В.“ 1912 г., № 237).

Эмиграция приняла настолько широкие размеры, что в Владикавказе открылось даже отделение Либавского агентства „Русско-Американского океанского пароходства“ с целью облегчить рабочим переезд в Америку.

„С первого же раза—сообщают „Терские Ведомости“—владикавказский агент не стал дремать, а проявил свою деятельность тем, что вывесил в разных людных местах плакаты об'явлений и, недовольствуясь этим, совершил поездку в некоторые места Владикавказского округа, где тоже оставил плакаты, рекламирующие удобства проезда на пароходах представляемой им компании.

Судя по рекламам и личным об'яснениям агента, условия переезда из Либавского порта на американский берег особенно благоприятны, так как пароходы названного общества совершают свой рейс по кратчайшему направлению,—не заходя в Англию, а прямо следуя в Галифакс, где и высаживают своих пассажиров, главный контингент которых составляют рабочие, числом от 3 до 4 тысяч человек в каждый рейс“.

„Особенно заманчиво рисует агент перспективу будущего заработка“ (1912 г., № 224).

Посмотрим, как жилось эмигрантам в Америке.

„В последних числах декабря разновременно прибыло в Дигорию более 20 человек из Америки, выехавших туда на заработки. В числе их есть и такие, которые пробыли в Америке более 4-5 лет.

Быстро разнеслись по всем приходам и аулам Горной Дигории слухи, что приехавшие заработали большие деньги. Это обстоятельство заставило молодежь заинтересоваться

Америкой, о которой она уже бросила мечтать, благодаря присылаемым оттуда письмам, рисовавшим в невыгодном свете положение выехавших туда дигорцев.

Теперь молодежь опять заговорила о поездке в Америку. Видя это „движение“, прибывшие сочли нужным убедить охотников не ездить в Америку, так как, по их словам, попасть на работу уже не так легко, как это было прежде, а также, что многим дигорцам не с чем даже и выехать на родину. К сожалению, молодежь относится к этим увещаниям с недоверием“ (Г. М. В Дигории. „Т. В.“, 1912 г., № 16).

„Не так давно—пишет Георгий Цаголов¹⁾—в местных газетах сообщалось, что в разные районы Северной Америки на заработки отправилась группа осетин в числе 250 человек.

Кроме того, ходят слухи, что туда же в непродолжительном времени предполагает двинуться такая же, если не большая, по численности группа горцев.

В настоящее время, по поводу указанного газетного сообщения и упомянутого слуха, нами получено из Орсюна от одного из работающих там горцев полное грусти письмо.

Автор письма сообщает невеселые вести о положении дел в Америке.

На долю пришлого рабочего элемента, оказывается, выпадает здесь простая или, выражаясь словами письма, „самая черная работа“. Горцев нанимают в Америке либо рыть землю, либо переносить тяжести, либо ломать камень, либо копаться во мгле рудничных подземелий, либо выполнять различные черные хозяйственные работы до вывозки навоза и разных нечистот включительно“.

„К глубокому сожалению, и этой черной работы не находится в нужной, для предлагаемого горцами труда, мере.

На первых порах ее было сравнительно достаточно. Каждой вновь прибывшей партии удавалось тотчас же устраиваться.

С течением времени, однако, стали сокращаться повсюду работы, а вместе с тем пошел на понижение и спрос на рабочие руки пришлого элемента.

Вместе с понижением спроса на рабочие руки, понятно, стали понижаться и цены“.

¹⁾ Вести из Америки. „Т. В.“, 1912 г., № 69.

„Автор письма, присматриваясь к нынешнему невзрачному положению горцев в Америке, заявляет, что многим из них, вероятно, суждено навсегда остаться в этой далекой и чужой стороне.

Он сомневается в том, чтобы этим горемыкам удалось когда-нибудь заработать нужную для обратного проезда сумму.

Письмо заканчивается просьбой—распространить среди местного населения сведения об истинном положении вещей в Америке“.

Несмотря на целый ряд подобных предупреждений, несмотря на указания, что по закону, утвержденному сенатом в Америке, неграмотные переселенцы допускаться туда не будут, ¹⁾—горцы, гонимые горькой нуждой на борьбу за существование, продолжали эмигрировать в „обетованную“ землю.

В 1913 году, в „Терских Ведомостях“, мы снова встречаем заметки и статьи, рисующие жизнь горцев в Америке в самых мрачных красках.

В статье Г. М.: „Осетины в Америке“ указывается, что по словам приехавшего из Америки жителя Дигоро-Алексеевского поселка Н. Д. жизнь осетин на чужбине трудная, невеселая („Т. В.“, 1913 г., № 175).

Другой автор ²⁾ передает следующее: „На-днях возвратилась из Америки небольшая группа рабочих осетин.

Все они работали на дальнем западе Северо-Американских Соединенных Штатов, при чем некоторые из них пробыли там в течение нескольких лет.

Капиталов рабочие с собою не привезли: не такие сейчас в Америке заработки, чтобы можно было подработать „капиталы“... Сотня, другая рублей—вот крупная цифра, которою измеряется наличное состояние наиболее „крупных“ „капиталистов“-рабочих. У большинства, однако, и этого едва-едва хватило только на обратный проезд...

Особенным здоровьем возвратившиеся похвастаться не могут. У многих из них здоровье осталось там, на далекой, негостеприимной чужбине... Некоторые жалуются на

¹⁾ Н. Решетин. Вниманию едущих в Америку. „Терские Ведомости“, 1913 г., № 32.

²⁾ Случайный. Американцы. „Терские Ведомости“, 1913 г., № 245.

ревматизм... Иные—на боль груди... Это и понятно: работать им, как и всем почти кавказцам рабочим, приходилось под открытым небом, в холод и дождь...

И, тем не менее, вид у них в общем бодрящий... Ничего жалкого, забитого, гнетущего. Чем-то серьезным, интеллигентным веет от этих, вчера еще полудиких сынов гор. Видно, многое пришлось им повидать и о многом передумать во время трудового скитания среди культурных народов“...

Автор находит и положительную сторону в эмиграции: „Смотришь на этих „американцев“, на их серьезные лица, носящие на себе печать трудовой жизни—и как будто не жаль становится моментом, что некоторые из них вернулись без тех тысяч, которые им виделись во сне и наяву...

Пусть нет этих денег... Зато есть запас новых мыслей и чувств, которые пригодятся им здесь, на бедной родине“...

„О житье-бытье кавказцев в далекой Америке—читаем мы далее—они говорят, в общем, тоже самое, что неоднократно сообщалось на страницах „Терских Ведомостей“... Работа черная, тяжелая: копают землю, рубят лес и т. д. На сколько-нибудь сложные работы их не ставят, так как ни у кого из кавказцев нет необходимой для того подготовки. Цены на рабочие руки стоят всегда более высокие, чем у нас, но зато и жизнь гораздо дороже... И если некоторым рабочим из кавказцев удастся скопить кое-какие деньжишки, то это происходит оттого, что они ухитряются „экономить“ на пище, одежде и квартире: плохо едят, плохо одеваются и ютятся в плохих, до невозможности, квартирах“.

И. Сидаков пишет из Америки: ¹⁾

„Получив указание агента, где можно получить работу, я отправился туда на поезде; ехали мы до ближайшей к месту назначения железнодорожной станции полтора суток, да еще от станции пришлось идти пешком часов 11. Прихожу, обращаюсь туда, сюда—никому моей работы не требуется. Делать нечего—приходится отправляться назад, а так как денег нет, то, волей-неволей, побрел пешком. Выбился я совсем из сил, дальше идти нет мочи и зашел отдохнуть в встретившуюся по пути пещеру. Наступила ночь. Вдруг ви-

¹⁾ Письмо из Америки. „Терские Ведомости“, 1914 г., № 85.

жу — мчится поезд. С отчаянием я остановил его огнем. Нашлись добрые люди, взяли меня в поезд и я кое-как добрался до города.

Но если кому и удается получить работу, то также радость не велика: работать заставляют много, а кормят плохо и при этом обращаются чрезвычайно грубо. Я служил на военной службе, но наша военная дисциплина кажется шуткою по сравнению с той, какой нам приходится подчиняться в Америке¹⁾.

Мы закончим главу указанием на последствия массовой эмиграции горцев в Америку.

„Движение это ¹⁾ унесло не мало здоровых рабочих рук и значительно повысило цены на труд среди оставшихся дома людей. С эмигрантами же уплыло не мало и денег, до этого времени свободно обращавшихся в аулах и селах. Еще когда-то уехавшие пристроятся там, в Америке, и будут присылать свои заработки семьям, а уже среди оставшихся отлив денег стал чувствительным до такой степени, что иной, нуждающийся в сравнительно-незначительной сумме, не может достать ее без того, чтобы не заплатить слишком высоких процентов“.

„В одном отношении эмиграция принесла и пользу местному земледельческому населению, — освободив несколько сот десятин паевых общественных земель, которые находились в пользовании у лиц, удалившихся в Америку, ибо, вследствие такого освобождения, и арендные цены на земельные угодья возымели склонность к понижению, хотя и незначительному“.

Таковы главнейшие формы разрешения аграрного вопроса на Терек.

Но среди них, помимо указанных нами выше, важное место, кроме того, занимают крестьянские движения в крае.

¹⁾ Посторонний. После отъезда эмигрантов. „Т. В.“, 1913 г., № 71.

IV.

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ В ГОРОДАХ.

Рост фабрично-заводской промышленности и рабочего класса. — Правовое положение. — Отсутствие законов о порядке найма и увольнения рабочих. — Рабочий день. — Вопрос о праздничном отдыхе. — Нарушения постановлений о воскресном отдыхе. — Отсутствие законов об охране труда. — Несчастные случаи. — Голоса за введение фабричной инспекции. — Экономическое положение. — Заработная плата. — Детский труд. — Женский труд. — Жилищный вопрос. — Связь между преступностью и жилищным кризисом. — Безработица и нищенство. — Формы разрешения рабочего вопроса.

Фабрично-заводская промышленность на Терек стала на путь развития после окончания Кавказской войны, после умиротворения края.

Данные за 1876 год рисуют картину промышленности в б. Терской области в таком виде.

В Владикавказе считалось в указанном году 145 фабрик и заводов, а рабочих на них числилось 588 человек, сумма производства — 305.320 рублей.

В Пятигорске числилось 35 заводов, при них находилось 203 рабочих, сумма производства — 46.700 рублей.

В Георгиевске было 18 заводов с 64 рабочими, с суммой производства в 13.550 рублей.

В Моздоке — 16 заводов, 40 рабочих, сумма производства — 13.900 руб.

Грозный имел 36 заводов, 165 рабочих; сумма производства — 15.152 рубля.

Во всей же Терской области (в городах и округах) в 1876 году было 459 заводов и фабрик, а рабочих 2.188 человек.

Общая производительность этих предприятий, включая сюда мельницы с крупорушками равнялась — 1.172.308 руб.

Незначительная общая сумма производительности терских фабрик и заводов указывает на их, преимущественно, кустарный в то время характер.

В дальнейшем фабрично-заводская промышленность на Терек развивается.¹⁾ Движение это можно наблюдать по следующим данным.

Количество заводов:

В 1884 году	1.705
„ 1893 „	3.179
„ 1903 „	3.985
„ 1913 „	2.686
„ 1914 „	2.747
„ 1915 „	2.831

Сумма производства:

В 1884 году	3.608.927	руб.
„ 1893 „	2.921.101	„
„ 1903 „	5.170.458	„
„ 1913 „	21.703.183	„
„ 1914 „	107.293.016	„
„ 1915 „	98.244.071	„

Число рабочих:

В 1884 году	3.908
„ 1903 „	7.599
„ 1913 „	11.397
„ 1914 „	14.462
„ 1915 „	13.385

Приведенные сведения указывают на рост фабрично-заводской промышленности, и на рост рабочего класса на Терек.

К описанию положения его в правовом и экономическом отношениях мы и переходим.

В бывшей Терской области мы наблюдаем отсутствие нормировки труда, ничем не сдерживаемый произвол со стороны нанимателей, беспомощность трудящихся масс в борьбе за существование—бесправие рабочих масс, которое было характерным явлением жизни дореволюционной России.

¹⁾ См. мой труд: „Фабрично-заводская промышленность на Терек“, с предисловием проф. М. Н. Соболева. Владикавказ, 1924 г., 76 стр.

О необходимости установления прав и обязанностей как нанимателя, так и трудящегося не раз говорилось на страницах местной печати. „В Владикавказе постоянно слышатся жалобы на пререкания между рабочими и прислугой с одной стороны и хозяевами с другой, а потому многие жители чрезвычайно желают, чтобы и у нас были выработаны какие-либо правила о найме прислуги и рабочих“ („Тер. Вед.“, 1890 г., № 101).

И. Востоков в своей статье: „Наша прислуга“ замечает: „Нормировки труда, определения прав на отдых, уровня заработной платы—нет. Решение этих вопросов предоставлено усмотрению сторон“ („Т. В.“, 1913 г., № 177).

Продолжительность рабочего времени доходила до 10 часов в сутки, а в некоторых предприятиях до 12 и даже 19 часов в сутки.

Описывая кирпичные заводы, находившиеся в окрестностях Владикавказа в 1870 году, „Терские Ведомости“ пишут: „Рабочие на заводах преимущественно отставные солдаты и туземцы, безотлучно находящиеся там“ (Сборник статей „Тер. Вед.“ за 1870 г.).

На винокуренном заводе Сараджева в 1902 г. и в последующие годы рабочий день продолжался 10 часов.

Таков же был рабочий день на крахмальных, маслобойных, мыловаренных и многих других заводах.

О почтово-телеграфных чиновниках Эн¹⁾ пишет: „Нет, кажется, ни одного учреждения, где бы положение служащих было так неприглядно, как в почтово-телеграфном ведомстве. Почтовый чиновник официально обязан просиживать в своем учреждении от 8 час. утра до 2-х пополудни и затем, от 5 до 7 час. вечера, но это только официально, на самом же деле это несколько иначе. Часы пребывания на службе не ограничены. Все зависит от того, какое количество корреспонденции нужно принять, разобрать и отослать; кроме того, следует заметить, что в тех городах и местностях, где почта приходит в ночное время, работа происходит ночью, при этом работа, продолжающаяся часов по восьми, а перед праздниками, при особом наплыве корреспонденции, даже до 11 и 12 часов. Если к обыкновенным

¹⁾ Эн. Нужда почтово-телеграфных чиновников. „Т. В.“, 1902 г., № 36.

дневным 8-ми часам работы прибавить 8—12 часов ночных, то получится неправдоподобная цифра в 17 и 20 часов почти непрерывного труда. Временами почтовым чиновникам некогда бывает пойти домой поспать, и они ночуют тут же в конторах, на столах. Иногда им по несколько дней к ряду не приходится раздеваться“.

Владикавказская городская дума в 1906 году вынесла постановление о том, что парикмахерские должны быть закрыты в воскресные дни и двенадцатые праздники, первые два дня Пасхи, первый день нового года и Рождества, в будние же дни рабочее время не должно превышать 10 часов „чистой“ работы.

В 1917 году рабочие, обслуживавшие мясную торговлю в Владикавказе, подали на имя городского головы коллективное заявление, в котором просили отменить работы в воскресные и праздничные дни, а в обычные установить продолжительность рабочего времени не более 10 часов в сутки с перерывом на обед.

Обратимся к положению служащих в ремесленных, торговых заведениях и в мелких предприятиях. „Здесь—говорит Г. Цаголов ¹⁾—классовое сознание еще дремлет, а потому и в законодательстве подмастерье, ученик, приказчик и др. не останавливают еще на себе никакого внимания. Ну, а при таких условиях для мелкого ремесленника-хозяина открыт широкий простор. Он может эксплуатировать своего подчиненного, сколько последний может вместить. Продолжительность рабочего дня поразительно велика. Многие работают от 12-19 часов в сутки“. Добавьте к этому бесчеловечно-наглое обращение с служащими, которое человека более или менее чуткого к вопросам своего достоинства может просто с ума свести“.

Если проблема рабочего времени на протяжении десятков лет оставалась в тени, то этого нельзя сказать относительно вопроса о работе в воскресные и праздничные дни. Тут мы видим открытую борьбу самих трудящихся за отдых в праздники. Особенно эта борьба велась лицами, обслуживавшими торговые заведения.

¹⁾ Г. Цаголов. Наблюдения и заметки. „Терские Ведомости“, 1901 г., № 49.

Первое сообщение по данному вопросу мы встречаем в 1893 г., в отделе „Городские известия“ газ. „Терские Ведомости“ (№ 133). Газета сообщает, что просьба, поданная в городскую думу приказчиками и сидельцами г. Владикавказа о необходимости *сокращения* времени торговли в воскресные и праздничные дни, удовлетворена городской управой и передана в комиссию обязательных постановлений.

Та же газета в следующем году отмечает, что многие торговцы совершенно не считаются с постановлением думы, в силу которого они должны открывать магазины и лавки в праздничные дни от часа дня до 8-ми часов вечера. „Ввиду такого факта, приказчики вообще и семейные в особенности, являются классом людей, не имеющих никакого отдыха и часто лишенных возможности видеть свои семьи“. На основании этого владикавказские приказчики просили городскую управу ходатайствовать перед думой о точном регулировании времени праздничного отдыха, при чем выражали желание работать в воскресные и праздничные дни от 1 до 4 часов пополудни, но не более, а в двенадцатые праздники не производить торговли вовсе („Тер. Вед.“, 1894 г., № 7)

По этому поводу „Терские Ведомости“ пишут: „Нам кажется, однако, что желания приказчиков слишком скромны, и что городскому управлению следовало бы пойти дальше. Мы полагаем, что ни потребители, ни даже сами торговцы ничего не потеряют, если утреннюю торговлю, за исключением с'естных припасов и бакалейных товаров, упразднить вовсе не только в двенадцатые, но и во все другие праздничные дни, ограничив ее временем от 1 до 4 ч. пополудни. Что же касается бакалейщиков и торговцев с'естными припасами, то, взамен утренней торговли, их, казалось бы, вполне возможно освободить от сидения в магазинах во всю остальную часть праздничных дней. И по учению церкви, и по нравственному чувству каждого—всякий имеет право на отдых и на удовлетворение своих религиозных, умственных и других человеческих потребностей. Жадность торговцев и непредусмотрительность потребителей, конечно, не могут еще служить достаточным основанием для того, чтобы лишать приказчиков этого неотъемлемого права. И если корыстолюбие некоторых из местных коммерсантов дошло до того, что заставило их утратить вся-

кое понятие о нравственном долге и позабыть даже об этом бесспорном праве каждого, то мы не сомневаемся, что в лице владикавказской думы они найдут достаточный противовес своим стремлениям" (К вопросу о праздничном отдыхе. 1894 г., № 7).

В передовой статье, напечатанной в газете „Терские Ведомости“ (1894 г., № 16), читаем: „От закрытия торговли в праздничные дни общество отнюдь не потеряет ничего, личность же выиграет. Добываемые праздничной работой выгоды суть выгоды частные, не могущие способствовать общему благосостоянию“.

Владикавказская городская управа, в заседании своем от 25 января, выработала следующий проект обязательного постановления: „Признавая желание приказчиков иметь хотя некоторый отдых от их тяжелого труда вполне законным, и имея в виду, что при занятиях в праздничные дни они лишены будут всякой возможности удовлетворять свои религиозные потребности, управа полагала бы целесообразным, на основании 11 п. ст. 108 город. полож., составить обязательные для местных жителей постановления о времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни в следующем виде: торговые и промышленные заведения в праздничные дни, поименованные ниже, открываются с шести часов утра и закрываются в 9 часов утра: 1) во все дни воскресные, 2) в дни табельные—в день восшествия на престол государя императора (2 марта), рождения государя императора (26 февраля), тезоименитства государя императора (30 августа), коронавания их императорских величеств (15 мая), тезоименитства государыни императрицы (22 июня), рождения государыни императрицы (14 ноября), рождения наследника цесаревича (7 июня) и тезоименитства наследника цесаревича (6 декабря), 3) в дни Нового года, Богоявления (6 января), Сретения Господня (2 февраля), Благовещения (25 марта), Вербного воскресения, Пасхи (первые три дня), Вознесения Господня, Успения Пресвятой Богородицы (15 августа), Усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа), Рождества Пресвятыя Богородицы (8 сентября), Воздвижения животворящего креста (14 сентября), Введения во храм Пресвятыя Богородицы (21 ноября) и Рождества Христова (25 и 26 декабря).

Постановление это не распространяется на все лавки хлебные, мясные, овощные, а также на лавки всякого вида временные, подвижные, балаганы и будки, торгующие фруктами свежими и сухими, фруктовыми и минеральными водами“.

8-го февраля указанного года городская управа в своем докладе владикавказской городской думе предложила открывать торговлю в праздничные дни с 6 часов до 9 часов утра, затем, вторично, по окончании церковной службы, т. е. с часа пополудни до 6-ти часов вечера.

По открытии заседания думы было оглашено письмо епископа Владимира к гласным, в котором он признавал необходимым дать возможность приказчикам удовлетворять свои религиозные чувства и проводить время, после молитв и посещения богослужения, среди семьи и друзей.

Прения в думе начались речью священника Морозова—гласного от духовного ведомства. В своей речи священник Морозов выяснил необходимость для каждого христианина, „по примеру ветхозаветному и учению православной церкви“, седьмой день посвящать молитве, религиозному самоусовершенствованию и телесному отдыху от повседневной трудовой жизни.

Интересные подробности заседания думы сообщают „Терские Ведомости“. Один из гласных оппонировал вначале косвенно: „могут, например, случиться праздники три дня сряду“. При таких условиях—говорил он—торговля будет нести ущерб, а покупатели испытывать неудобства. „На часы молитвы, да отдых уйдут все 365 дней“. Кто-то внес предложение о том, чтобы предупредить граждан и торговцев за месяц до вступления в силу постановления и распространить праздничный отдых на всякого рода торговлю.

Третий гласный сослался на обычай, существующий в западном крае. В этом крае—сказал он—торговля и промышленность находятся в руках евреев, которые считаются лучшими торговцами. Тем не менее, они свято соблюдают седьмой день, а потому в субботу никакой торговли там нет. С этим обычаем сжилось и все местное христианское население. „Самая торговая нация в мире—англичане—еще строже соблюдают праздничные дни, а потому я полагал бы последовать доброму примеру и вовсе запретить в праздничные дни торговлю“.

Были и такие ораторы, которые возражали против закрытия торговли в гостиницах и питейных заведениях. „Как же приезжие и посетители будут не напоены и не накормлены—будут обижены“.

Вопрос был поставлен на баллотировку. Последняя дала такие результаты: против оказалась треть гласных, а $\frac{2}{3}$ за отдых. Дума постановила: во все воскресные и высокочерезвычайные дни, а также в двенадцатые праздники торговли производить с 6 до 8 час. утра, в дни же праздников, совпадающие с базарными днями, торговать с 6 до 9 утра и от 1 ч. дня до 6 ч. вечера; торговлю крепкими напитками во все без исключения праздничные дни производить лишь с 6 ч. вечера до 11 часов ночи („Т. В.“, 1894 г., № 19).

Однако, постановление это было пересмотрено в заседании владикавказской городской думы 29 марта 1894 г., так как решение думы, согласно которому торговлю в воскресные и праздничные дни разрешалось производить от 6 до 8 час. утра, оказалось неправильным: на основании Устава о предупреждении и пресечении преступлений (т. XIV, ст. 14, изд. 90 г.) время это, как приходящееся до окончания литургии, не может быть предназначено для открытия торговли и промыслов. Ввиду этого начальник области ген. Каханов не признал возможным утвердить приведенное выше постановление думы, но выразил желание совершенно не разрешать торговлю в воскресные и праздничные дни. Дума вынесла постановление согласно выраженному губернатором желанию.

Постановления о праздничном отдыхе постоянно нарушались. Об этом свидетельствуют многочисленные мелкие хроникерские заметки и корреспонденции из областных городов. „Чуть не каждый праздник—пишет Н. Р. 1)—можно видеть купца, расхаживающего перед своим магазином, в котором все двери, кроме главной, закрыты и приказчики почти все на лицо. Спросите этого купца, чем заняты его приказчики. Он вам ответит, и ответит совершенно справедливо, что они или кошек кормят, или товар убирают, или кипы разбивают, но не торгуют. Такие купцы не понимают, или, вернее, прикидываются непонимающими, что

магазины должны быть закрыты до 12 часов дня и после 4 час. пополудни не для того, чтобы не торговать, а чтобы этим дать отдых служащим, трудами которых они нажили и увеличивают свое состояние“.

27 сентября 1902 года в Пятигорске состоялось совещание торговцев для рассмотрения вопроса о воскресном отдыхе приказчиков. Торговцы, за исключением двух, высказались против предоставления приказчикам отдыха. Тогда приглашенные 30 сентября служащие в торгово-промышленных заведениях в числе более 100 человек заявили, что в совещании хозяев-купцов участвовали лица, не сочувствующие их положению, и что им известны многие владельцы торговых заведений, которые не против предоставления своим служащим праздничного отдыха на целый день. Вопрос был перенесен на разрешение городской думы. Одни гласные настаивали на том, чтобы совершенно не менять положения вещей, другие же находили необходимым установить для приказчиков отдых. Выступивший на заседании протоиерей Закхеев, между прочим, сказал:

—„Воскресные дни нам даны свыше. К таким дням следует относиться с уважением. Бог сказал: 6 дней работай, а 7-й—ему. Нарушение божьей воли может быть и отражается на нас самих тем, что мы терпим и лишения и невзгоды. Что может статься с человеком, если заставить его работать 365 дней в году? Он совершенно забудет о боге. Я укажу на иностранные государства: Англию, Соединенные Штаты, Швейцарию, Норвегию и Германию; там с уважением относятся к праздникам. Ведь, природа—и та требует отдыха. Поэтому и мы обязаны установить праздничный отдых“ („Т. В.“ Корреспонденция из Пятигорска. 1902 г., № 231).

Дума, после обмена мнений, постановила: все торгово-промышленные заведения Пятигорска, не исключая и лавок на бульварах и скверах, могут быть открываемы в праздничные и табельные дни от 12 до 4 дня, во все же остальное время торговля не допускается; в воскресные же дни торгово-промышленные заведения с 1 октября по 1 мая должны быть закрыты в течение целого дня, а с 1 мая по 1 октября могут быть открываемы от 12 до 4 час. дня. Это правило не распространяется на лавки овощные, мясные, фруктовые.

1) Н. Р. Корреспонденции. Пятигорск. „Т. В.“, 1899 г., № 42.

Рассматривая правовое положение трудящихся на Тереке, нельзя не указать на ту обстановку, в которой тут приходилось работать труженику.

Неудовлетворительные ни в техническом, ни в санитарном отношении условия работы влекли за собою несчастные случаи и заболевания.

„Отвечают ли местные мельницы, работающие непрерывно целые сутки, хотя самым скромным требованиям относительно ограждения здоровья и жизни тех тружеников-рабочих, которые дают им жизнь и значение. Есть ли в них хотя самые незначительные приспособления к тому, чтобы живой человек, безвыходно по целым часам суетящийся в этом бесконечном движении и оглушающем шуме, мог быть спокойным за то, что он не обратится в один момент в какую-нибудь „лепешку“ или бесформенную массу?“

Открытый бесконечный передаточный ремень всегда может или оторвать руку, или сорвать кожу с головы, или, в счастливом случае, только „обжечь“. Ничем не защищенное колесо грозит непрерывно ухватить край одежды—и вдребезги истолочь свою жертву, а вал, свободный для доступа, может соблазнить усталого рабочего перешагнуть через него, для сокращения пути, и при малейшем промахе—изломать ему все ребра, руки и ноги.

Это последнее и случилось у нас на-днях на одной из мельниц, и несчастная жертва скончалась в страшных мучениях, оставив семью без всяких средств к существованию“ (По поводу закона об ответственности предпринимателей. „Т. В.“, 1894 г., № 26).

6 мая 1898 г., по сообщению газеты „Терские Ведомости“ (№ 58), в Садонском руднике имел место следующий несчастный случай. Во время под'ема в вагончике из туннеля № 4 вверх к рабочим нарядчик Сосланбек Диамбеков откинулся к бревенчатой стене дыры. Один поддерживаемый им брус уперся в живот, а другой в подбородок. Поднимавшийся вагон, придавив Диамбекова брусом к бревнам, раздавил его совсем. Диамбеков, указывается в корреспонденции, прослужил в Садонском руднике 25 лет и рассчитывал на пенсию.

В цитированной нами уже статье „Наблюдения и заметки“ („Тер. Вед.“, 1901 г., № 49) есть, между про-

чим, указание на то, что помещения, в которых работают ремесленники, „не удовлетворяют зачастую самым элементарным требованиям гигиены“.

В 1913 году директор завода „Алагир“ сообщил управе, что за 1912 год среди служащих завода было 2.072 случая заболеваний, из них 20 случаев относится к профессиональному отравлению („Т. В.“ Местная хроника. 1913 г., №10)

Таким образом, в правовом отношении мы наблюдаем на Тереке отсутствие элементарных законов о рабочем времени, о времени отдыха, о порядке найма и увольнения рабочих, об охране труда. Это обстоятельство не могло не обратить внимания печати. Раздаются голоса о введении фабричной инспекции.

„Недавно в „Терских Ведомостях“—пишет Г. Цаголов¹⁾—сообщали, что на некоторых рудниках наших юных горных заводов имели место случаи удаления рабочих без уплаты им заработанных денег. Значительно ранее сообщалось у нас о несчастных случаях, бывших на работах в рудниках. Много фактов из той же области отношений предпринимателей к рабочим сообщалось, в ряде корреспонденций, печатавшихся в разное время то в „Северном Кавказе“, то в „Приазовском Крае“ и др. газетах. Значительно большая часть фактов, в силу разных причин, не могла сделаться достоянием печати. Очевидное дело, и у нас, в области нашей промышленности, свили себе гнездо все те ненормальности, которые, по крайней мере, с настоящего времени, являются характеристической чертой отношения предпринимателя вообще к рабочему. При этом такое нежелательное отношение предпринимателя к рабочему вовсе не обнаруживает тенденции к смягчению, если можно так выразиться. Наоборот, оно с каждым разом усиливается. Да иного хода вещей и ожидать нельзя. Наши промышленные пункты, за исключением разве грозненских нефтяных промыслов, находятся в глуши, посторонний человек сюда заглядывает очень редко, разве только во время летних экскурсий; придет, посмотрит штольни, завод и т. д. и спешит назад. Закулисная сторона заводской жизни остается совершенно неисследованной. Да если бы и интересовала, он мало что может узнать: каждый завод, каждый промысел

¹⁾ Г. Цаголов. Терская горнопромышленность. „Т. В.“, 1901 г., № 88.

находятся под охраной целой армии соглядатаев, которые очень хорошо понимают, что можно и чего не следует показывать не в меру любопытному туристу. И вот, под охраной таких благоприятных для предпринимателя условий течет заводская жизнь. Нужно ли говорить, что все до мельчайших подробностей здесь делается так, как хочет сам предприниматель, и что с желаниями рабочего он не хочет справляться.

Все это, само собою разумеется, не имело бы таких печальных результатов, если бы местный рабочий стоял в культурном отношении несколько выше. „Все это говорит за то, что наше промышленное дело, или, точнее, отношения наших промышленников к рабочим нуждаются в тщательном надзоре со стороны правительства. Является необходимость ввести и у нас фабричную инспекцию“.

Лишь спустя десять лет—в 1912 г.—появилось в печати распоряжение начальника Терской области „Об упорядочении жизни на фабриках и заводах“. Начальник области в своем распоряжении, в целях применения закона 1 июня 1912 г., предписывает атаманам отделов, начальникам округов, владикавказскому полицеймейстеру, городским приставам, участковым начальникам станиц и старшинам пр. поселений области немедленно сообщать чинам фабричной инспекции о совершившихся нарушениях в промышленных заведениях внутреннего распорядка и благоустройства и о „взаимных неудовольствиях между фабриками и рабочими“. Далее, начальник области предлагает направлять рабочих с их жалобами на фабрикантов и заводчиков к чинам инспекции, не входя в рассмотрение жалоб по существу, немедленно сообщать чинам инспекции о всех вновь возникших и о закрывшихся промышленных заведениях, о пожарах, несчастных случаях с людьми и т. д., доставлять чинам инспекции сведения по их запросам, сведения о паровых котлах, а также наблюдать, чтобы последние без надлежащего разрешения и испытания не были допущены к действию, чтобы фабрики, заводы и пр. промышленные предприятия строились по утвержденным планам.

Так гласили циркуляры.

Рабочая же действительность продолжала оставаться полной бесправия и нужды.

Исследуя экономическое положение трудящихся в быв. Терской области, мы видим здесь прежде всего господство „железного“ закона заработной платы.

Вот как, например, описывает А. Шульц в газете „Терские Ведомости“ (1897 г., № 117), кизлярский обычай найма и увольнения рабочих: „Незнакомый, в первый раз попавший в Кизляр, которому за целую неделю вплоть до воскресенья пришлось вынести подавляющую скуку и тишину города, проснувшись в воскресенье, удивляется необъяснимо-му оживлению в городе. Вместо безлюдных улиц, представлявшихся ему в будни, он видит лихорадочное и суетливое движение людей, скрип колес, треск телег и арб. Всех этих людей влечет в Кизляр, во-первых, получение расчета, а, во-вторых, базар. Площадь—место сборища рабочих—в воскресный день представляется для наблюдателя картиною, не лишнюю интереса.“

Каждая партия рабочих стоит отдельною группою. Тут вы встретите и живого, подвижного тавлинца, и апатичного ногойца, и русского, армянина и грузина. Переговоры с рабочими ведутся обыкновенно от 2-3 часов дня до самой ночи. Взаимные уступки, несогласные с желаниями сторон, обыкновенно, бывают безрезультатны. Наблюдая, стоя в стороне, вы время от времени замечаете внезапное и стремительное течение толпы в одну сторону, к одной точке. Это маленькая стычка между рабочими разных групп“. „Часто, воскресные переговоры нанимателей с рабочими не приводят к соглашению, и дело откладывается до следующего дня, понедельника. Рассвет на понедельник застает сквозь туман базарную площадь г. Кизляра усеянную рабочими. Одни на ногах, другие пробуждаются от сна, третьи лениво растягиваются в полудремотном состоянии. Еще час времени, и все они наготове в ожидании появления нанимателей-садовладельцев. Вооружившись всеми придуманными за ночь способами для отстаивания своих цен, они вступают в переговоры с появившимися нанимателями. Как способ переговоров, так и слова убеждения, употребляемые с той и с другой стороны, отличаются дипломатической тонкостью. Но обыкновенно все это ни к чему не ведет, пока кто-либо из нанимателей уже к полудню не объявит группе рабочих свою цену, на которую последние изъявляют свое согласие“.

В 50-х годах минувшего столетия рабочие завода „Алагир“, по словам С. И. Толмачева, получали жалование в месяц от 3 до 5 руб. (смотря по специальности) и, кроме того, провиант на себя и жену по два пуда, а на малолетних по одному пуду в месяц.¹⁾

В праздничные дни рабочие обучались стрельбе под руководством унтер-офицера.

Газете „Новое Обозрение“ из станицы Шелководской сообщают: „На время работ в виноградных садах сюда нашло много посторонних рабочих—ногайцев, кумыков, русских, казаков из станиц, расположенных по р. Сунже. Цены на рабочие руки сравнительно очень низкие—от 20 до 30 коп. в сутки; впрочем, большая часть, не найдя здесь работы, направляется дальше по Тереку искать заработков“ („Т. В.“, 1890 г., № 81).

В статье: „Горе от урожая“ („Т. В.“, 1893 г., № 123), указывается, что постепенное увеличение посевной площади сделало недостаточным количество рабочих рук, и что цены на рабочую силу растут.

В 1891 г. в газ. „Терские Ведомости“ мы встречаем опровержение известия из Назрани о том, что рабочие по сооружению железной дороги получают 20 руб. жалования в месяц. В действительности, оказывается, большинство из них получало 10-12 руб. в месяц и обед лишь в рабочие дни. В заметке отмечается, что многие рабочие—выходцы из голодающих губерний: Пензенской, Саратовской, Воронежской и друг.; часть их оставила работы, ввиду наступившего холода, а вновь прибывшие рабочие не были приняты, вследствие сокращения работ на зиму (№ 96).

О заработной плате на Садонском руднике, между прочим, говорится: „Прежде²⁾ рабочие в забоях работали за дневную плату, а теперешние „шахтеры“ ведут работы задельно, за плату от 45 до 60 руб. от кубической сажени пройденного пространства штольной, штрехом или гезенгом, при чем динамит, зажигательный шнур, пистоны, буры и проч. инструменты, а также материал для освещения шахтеры должны приобретать на свои средства“.

¹⁾ С. Толмачев. Сел. Алагир. Терск. Сбор., вып. V, 1903 г.

²⁾ Вл. К.—н. Садонский рудник прежде и теперь. „Терские Ведомости“, 1913 г., № 270.

Владикавказский корреспондент „Нового Обозрения“ сообщает: „Обыкновенно, с наступлением зимы и прекращением полевых работ, масса рабочих, не имеющих возможности отправиться на родину, из станиц и туземных селений спешит в город, надеясь „перебиться“ в нем зиму кое-какими поденными заработками. Рабочих в городе скопляется так много, что предложение труда превышает спрос на него, и большая часть рабочих по несколько дней остается без работы, без всякого заработка, а следовательно без куска хлеба и ночлега. В городе нет ни бесплатной столовой, ни чайной; ночлежный дом не вмещает в себе и трети всех нуждающихся; поэтому многие из рабочих принуждены ночевать на базарной площади—в сундуках, бочках из под сахара, или за городом—в кучах навоза“ („Т. В.“ Владикавказ, 29 октября 1900 г., № 128).

Г. Цаголов, говоря в своих „Наблюдениях и заметках“ о положении ремесленников, пишет: „Жалование выдается рабочим самое незначительное, которое помогает только не умереть с голоду. Харчи (если рабочий живет на хозяйских харчах)—верх всякого безобразия“ („Т. В.“, 1901 г., № 49).

В 1902 году на серебро-свинцовом и цинковом заводе в Владикавказе заработная плата рабочих не превышала 90 коп. в день.

В том же году на грозненских нефтеперегонных заводах рабочие получали от 16 р. до 20 р. в месяц.

В 90-х годах на маслобойных заводах плата рабочим простиралась от 15 р. до 18 р. в месяц.

В 70-х годах на винокуренных заводах Кизляра платили рабочим от 2 р. до 8 р. в неделю.

В 1902 году заработная плата на владикавказском винокуренном заводе Саралжева колебалась от 7 р. до 15 руб. в месяц (столом рабочие пользовались от завода).

В том же году размер заработной платы на владикавказских пивоваренных заводах—от 20 р. до 22 р. в месяц.

Заработная плата на крахмальных заводах в 1902 году: от 16 р. до 18 руб.

Обратимся теперь к трудовой интеллигенции. Материальное положение ее, как мы увидим далее, не лучше.

„Штатные чиновники—говорит Эн („Нужда почтовых телеграфных чиновников“. „Т. В.“, 1902 г., № 36)—вплоть до

IV класса пользуются вознаграждением всего от 300 до 450 руб.; правда, они имеют квартиры, но в последнее время и это у них отнимается, с заменой казенного помещения деньгами. Такая замена оказывается далеко невыгодной, так как выдаваемые квартирные деньги не превышают 5-8 руб. в месяц. Цены, между тем, на квартиры растут с каждым годом, и в настоящее время, даже в маленьких городах, не говоря уже о больших центрах, за 5-8 руб. иметь хоть сколько-нибудь приличное помещение почти невозможно. Холостежь кое-как справляется, семейные же люди буквально бедствуют. Положение нештатных, т. е. вольнонаемных служащих, еще того тяжелее: при содержании в 12-18 руб. и при неменьшем количестве рабочих часов они не имеют и квартиры.

Интересно знать, каким путем создались такие непосильные условия труда. Объяснить, отчасти, можно чрезвычайно быстрым за последнее время ростом почтово-телеграфных сношений, на ряду с весьма незначительным увеличением состава служащих, хотя нельзя не заметить, что в прежнее время, когда общая корреспонденция не имела настоящего развития, да и жизненные условия были легче, — почтовые чиновники все же находились на положении обойденных судьбою. Если мы проследим за ходом развития почтово-телеграфных сношений хотя бы одного нашего Владикавказского округа, допустим только за пятилетие с 1896 года по 1900 год, то нам станет ясным, насколько даже за такой короткий срок должен был возрасти труд каждого из почтово-телеграфных чиновников. В 1896 г., напр., простых писем внутренней и международной корреспонденции было получено всего 10.751.640, заказной — 528.653; в 1901 г. цифры эти возрасли до 18.489.907 для простой корреспонденции и до 608.624 — для заказной. Состав же служащих остался приблизительно тот же¹⁾.

Плохо жилось в материальном отношении и городским служащим. В особенно неблагоприятных условиях находились низшие городские служащие. „Писцы в канцеляриях управы и думы — замечает М. Рождественский¹⁾ — получают, например, от 20 до 30 руб. в месяц, другие служащие по-

¹⁾ М. Рождественский. К вопросу о положении городских служащих. „Тер. Вед.“, 1913 г., № 113.

лучают еще меньше, есть такие, которые служат за 15 руб. В некоторых городах предельная норма, как говорят, опускается еще ниже, достигая 10 рублей в месяц.

Нужно ли говорить, что на такие „капиталы“, как 10, 15, 20, 30 руб. прожить в городе весьма трудно. Жизнь в городах с каждым годом становится дороже и дороже. У нас, напр., в Владикавказе, в конце 80-х и в начале 90-х годов, фунт говядины продавался по 6 коп. и баранины по 7 коп. Теперь, как известно, за говядину мы платим по 15-16 коп. и за баранину по 20 коп. Удвоилась, если только не утроилась, затем цена на хлеб. Те квартиры, которые еще лет 10 тому назад ходили по 3-4 руб. в месяц, — теперь сдаются по 10-12 руб. Воз дров, за который прежде платили 1 рубль с копейками, теперь ценится в 3 руб. и более. И это повышение цен наблюдается в отношении почти всех товаров²⁾.

Безотрадное впечатление оставляет и материальное положение терского студенчества. „Кому неизвестна — говорится в воззвании студентов¹⁾ — полуголодная жизнь русского студента, материальное положение которого с каждым годом делается все тяжелее и невыносимее“. „Это заставило нас, студентов и курсисток всех высших учебных заведений Харькова, земляков, организовать в Терское землячество с целью оказывать материальную поддержку нуждающимся товарищам. Но наши средства далеко недостаточны, а потому мы обращаемся к обществу родных мест, всем тем, кто сочувствует стремлению молодежи к приобретению высших знаний, притти посильно на помощь. Члены правления Терского землячества при Харьковском университете: Скоробогатов, Лехно, Иосифов, Максимов, Гей и Седов“.

Перед нами — говорится в другом воззвании²⁾ — членами правления Терского землячества студентов г. Харькова — прошения нуждающихся земляков-студентов. Ну, что нам делать? Денег у нас теперь 150 руб., а просьб на 450 руб. А какие просьбы?.. Сколько нужды... лишений... „На лекции не хожу — обуви нет“... „Обедаю через день... Чай го-

¹⁾ Обращение к обществу студентов Харькова, уроженцев Терской обл. „Г. В.“, 1907 г., № 270.

²⁾ Горе студентов (Воззвание Терского землячества. „Терские Ведомости“, 1908 г., № 259.

лый (без хлеба)“... „Пальто нет“... „Хозяйка выгоняет—нет 16 рублей за комнату... Куда теперь, в мороз, я денусь?.. „Уволен из учебного заведения за невзнос платы... 50 рублей дайте, спасите!“..

Вчера заявили земляки-студенты, что на чужой квартире лежит больной—наш земляк—студент Г. (из станицы Ч.). Он не имел пальто, жил „скудной“ жизнью, и обычный исход—открылась чахотка острой формы... Профессор-врач предложил больному немедленно выехать в Крым. А на что выведешь?.. Есть нечего... Квартиры нет...

И вот, в таких условиях приходится студенту готовиться к будущему поприщу“. „Жизнь невероятно дорожает: комнаты на „слободке“—15-18 руб.; здоровые свежие обеды 8-9 руб. в месяц... И приходится нуждающемуся студенту кочевать по квартирам товарищей, питаться полуобедами... Заработки имеют (уроки) только счастливы и то за весьма низкую плату, так как на сравнительно небольшой город приходится 9 тысяч студентов и курсисток“.

„Ждем помощи от общества. Каждый рубль для нас приобретает значение 10 рублей“.

Не следует, однако, думать, что в тяжелых материальных условиях находились студенты, уроженцы Терека, лишь в Харькове. В подобном положении существовали и студенты, учившиеся в других университетских городах. Нам, напр., пришлось наблюдать в Москве такую же нужду среди студентов-терцев (О нужде терского студенчества см. в моей статье: „К студенческому вечеру“, напечатанной в 1916 г., в № 5546 газ. „Терек“).

О беспросветной нужде русского народного учителя говорилось и писалось не раз ¹⁾. Приводимая ниже заметка является характерной иллюстрацией безотрадной жизни учителя. „В Галюгаевской станице (Корреспонденция из Моздока. „Т. В.“, 1902 г., № 246) умер учитель станичной школы Пушкарев, прослужив 20 лет и оставив сравнительно еще молодую жену с четырьмя детьми, из которых старшему

9 лет, а младшему 2-й год. История не новая—скажете вы, но дело в том, что кроме единовременного пособия в размере 50 руб., выданных дирекцией народных училищ, у этой семьи решительно никаких других средств к жизни нет. К счастью, и в нашей глуши нашлись люди, чуткие к чужому несчастью, которые и откликнулись и, хотя немного, но все же облегчили безвыходное положение семьи умершего сотоварища. Господа учителя и учительницы г. Моздока устроили спектакль в пользу госпожи Пушкаревой и всю чистую прибыль в размере 71 р. 86 коп. вручили несчастной вдове. Но, конечно, это капля в море, если добрые люди не отзовутся и не озаботятся найти ей постоянный заработок“. „Бог знает, когда еще эти труженики просвещения темного люда дождутся более счастливого времени. Так, покойному Пушкареву сплошь и рядом приходилось ожидать полочки жалованья по несколько месяцев и, получая ничтожные 28 руб., он вынужден был чуть не в два раза переплачивать за предметы самой первой необходимости, ввиду продолжительности кредита“.

Если положение семьи трудящегося тяжело было в то время, когда он имел работу, то тем более невыносимым становилось оно в дни безработицы или после смерти труженика. „Положение лиц—читаем мы в „Тер. Ведомостях“ (Местн. изв., 1897 г., № 125)—служащих по найму в разных учреждениях и промышленных предприятиях, всегда вызывает не мало горьких мыслей о судьбе семьи, остающейся после смерти главного работника-кормильца. Пока есть силы—работается, получается вознаграждение, день идет за днем в семье работника с своими вечными радостями и горестями. Как ни тяжелы бывают иногда разного рода житейские встряски, все же у семьи имеется в перспективе кусок хлеба, нет той острой, гнетущей заботы о голодном дне, которая камнем ложится на обездоленных.“

Насколько тягостны мысли о семье работника (какою бы профессиею он ни занимался), остающейся без средств, настолько же утешительно бывает услышать весть о заботе тех лиц, хозяев, интересам которых отдавал человек силу, энергию, ум, часто и здоровье. Нередко эта забота проявляется активно лишь тогда, когда хозяев принудят к выполнению своих человеческих обязанностей.

¹⁾ См. мои статьи: „О положении народных учителей“. Газ. „Кавказское Слово“, 1913 г., № 207. „О народных учителях“. Газ. „Терек“. Владикавказ, 1916 г., № 5631.

В случае же, который был недавно на заводе акционерного общества „Алагир“, администрация завода проявила то в высшей степени симпатичное отношение к рабочему человеку, которое может быть поставлено ей, как лучшее украшение начинающейся ее деятельности. На этом заводе служил некто Ш. Недавно он заболел и умер, оставив без средств жену и дочь. Директор этого завода, войдя в положение оставшихся, позаботился о приличных похоронах умершего, одновременно помог семье и, что особенно ценно, назначил пожизненную пенсию по 10 руб. в месяц жене, а дочери—в той же сумме до возвращения мужа, находящегося в отлучке. Как сильно желательно, чтобы подобные отношения входили в обыкновенное явление нашей сухой прижимистой промышленной жизни“.

Вечная нужда, которую испытывали трудовые семьи, гнала на улицу детей.

Дети, главным образом, занимались продажей газет. Торговали мальчишки от 12 до 14 лет, при чем зарабатывали они 1 копейку с проданного номера.

Количество детей-газетчиков настолько увеличилось, что этому вопросу в 1897 году, в „Терских Ведомостях“, была посвящена передовая статья (№ 145). „По вечерам вы встретите их у подъездов театра, клубов и других мест общественных увеселений, где они дежурят зачастую до 2-3 часов ночи“. „Если рыночная продажа газет явилась у нас естественным ответом на назревшие потребности общества, то не следует ли организовать ее так, чтобы совершенно устранить от этого промысла маленьких детей. Шатание по улицам с печатными листками отвлекает их от более продуктивного употребления времени и более осмысленного труда; стремление получить лишнюю копейку учит их спекулировать на любознательности простодушного обывателя, которого они стараются соблазнить выкрикиванием разных пикантных новостей, будто бы напечатанных в газетах; просиживание в швейцарских разных увеселительных учреждений до ухода последнего посетителя, отнимая у детей здоровье, не дает, конечно, им ничего хорошего в смысле воспитательном. Все это такие условия, которые отрывают детей от здоровой трудовой среды и готовят из них материал ночного уличного порока, разврата и того замаскированного

нищенства, которое бродит по всему миру с коробом спичек или мыла, с шарманкой или арфой, ночуя под заборами и пропивая собранные гроши в грязных притонах отребьев человечества.

Печать должна помогать обществу бороться со злом и пороком. Для того, чтобы действительно служить этому святому назначению, она должна позаботиться прежде всего о том, чтобы органы ее распространялись по миру чистыми и здоровыми путями“.

В области женского труда мы видим обычную картину эксплуатации. В 1912 году, например, большинство женщин-работниц в Владикавказе получало от 7 до 10 руб. в месяц при восьмичасовом, а иногда и десятичасовом рабочем времени в день. „Сделаем—говорит Н. Решетин¹⁾—примерную расценку. Женщина-работница получает от 84 до 120 руб. в год. Квартира стоит от 24 до 48 руб. в год (1-2 руб. в месяц), 2 фун. хлеба в день по 3¹/₂ к. фунт—2 руб. 10 коп. в месяц или 25 р. 25 к. в год, 1¹/₂ фун. мяса в день—6 коп. или 1 руб. 80 коп. в месяц, 21 руб. 60 коп. в год, чай и сахар—5 к. в день, 80 руб. в год. Уже это одно составляет от 88 руб. 80 к. до 112 руб. 80 к. в год. Иными словами, у получающей 120 руб. в год остается 7 руб. 20 к., а у получающей 84 руб. не хватает—4 руб. 80 к., а то и больше. Но перечисленным далеко не исчерпываются даже самые неотложные потребности человека.

„Раз получаемого вознаграждения не хватает даже для самой скромной жизни—надо искать заработков на стороне. Но при 8-10 часовом труде какой может быть посторонний заработок, если не считать торной дороги—проституции. И многие работницы вступают на этот скользкий путь, по которому катятся до самого дна...

Выходит, что их фабрично-заводские предприятия, которые, пользуясь женским трудом, оплачивают его, не считаясь даже с минимальными требованиями жизни, являются едва ли не главными пополнителями кадров проституции“.

Печальна доля и домашней прислуги. „Мы знаем, напр., случай, что одна из богатых домовладелиц Владикавказа несколько лет назад была сослана на жительство в Сибирь

¹⁾ Н. Решетин. Женский труд во Владикавказе.—„Т. В.“, 1912 г., № 4.

за истязание девочки-горничной. А таких случаев, которых мы не знаем, вероятно, целая бездна, только не все они подвергаются огласке. Нужно исключительное стечение обстоятельств, чтобы они стали предметом судебного разбирательства. Далее, у нас нет обычая давать прислуге воскресный отдых, а для простонародья невозможность побывать у обедни составляет большое лишение. Наконец, она никогда не гарантирована от оскорблений, от любезностей мужской части семьи и прочих вещей, на которые мы смотрим шутя" (Владикавказ, 14 февраля. „Т. В.“, 1902 г. № 37).

Но картина положения трудящихся в б. Терской области оказалась бы неполной, если бы мы не коснулись жилищного вопроса.

Мы уже упоминали о том, что Владикавказ, напр., в 1900 году не имел еще ни бесплатной столовой, ни чайной. „Ночлежный дом не вмещает в себе и трети всех нуждающихся. Поэтому многие из рабочих принуждены ночевать на базарной площади—в сундуках, бочках из под-сахара, или за городом—в кучах навоза“ (Владикавказ, 29 октября. „Т. В.“, 1900 г., № 128).

В передовой статье: „Владикавказ, 14 февраля“ („Т. В.“, 1902 г., № 37) указывается, что в очень редких семьях горничная имеет свой собственный угол.

Остро стоял жилищный вопрос для трудовой интеллигенции, находившейся на службе в селе. Были селения, где квартиры для интеллигенции совершенно отсутствовали. „В таких случаях—отмечают „Тер. Ведомости“—учителю и псаломщику предоставляется право самому разыскать себе квартиру, при чем в виде квартирной платы отпускается еженедельно два-три рубля. С первого взгляда это, пожалуй, лучше, чем помещаться в собственной, но неудобной квартире. Однако, на самом деле, псаломщику или учителю в таких случаях приходится помучиться гораздо более. Квартиру можно найти только разве в более или менее зажиточном селении. В обыкновенных же средних деревеньках и со свечей не сыщешь. Если кто-нибудь из хозяев и решается сдать под квартиру какую-нибудь из имеющихся у него комнат, то разве такую, в которой ему самому по неудобству жить трудно. Несомненно, есть и исключения, но от этого большинству трудящегося интеллигентного люда не легче.

Нам кажется, что не мешало бы обратить на это обстоятельство должное внимание. Правда, вопрос этот не раз возбуждался по жалобам отдельных лиц, но почти всегда дело заканчивалось тем, что выстраивали удобную квартиру только для священника, а учителя и псаломщики вынуждены были дрожать от холода в старых сараях и клетушках“ (Деревенские квартиры. „Т. В.“, 1901 г., № 8).

А вот как описывает В. Казьмин ¹⁾ владикавказские ночлежные дома и постоянные дворы. Описание это настолько интересно, что мы приводим его целиком. „Обратите внимание днем на солнечные места около торговых заведений низшего разряда: духанов, трактиров, погребов, заезжих дворов и пр., взгляните на базарную площадь, на „обжорку“—вы везде натолкнетесь на толпы плохо одетого, разноплеменного народа, не имеющего ни денег, ни работы и часто буквально голодающего. Во время холодов все эти многолюдные и даже многотенные толпы праздного люда, разбившись на кучки, наполняют, иногда против воли хозяев, харчевни, трактиры, винные погреба, городскую чайную и пр. Ночью эта публика расплывается, кто куда может: кто к знакомому, кто в городскую ночлежку, а кто в общине ночлежные, имеющиеся при постоянных дворах. Есть даже такие, которые специально затевают какой-нибудь скандал на улице для того только, чтобы, при помощи городского, попасть в полицейский участок. Ночью, куда бы вы ни заглянули, в ночлежку ли, в подвалы ли, в постоянные дворы или в участковые арестные помещения—везде бывает так набито, что, как говорится, яблоку негде бывает упасть.

Но не думайте, что вся эта безработная, голодная и холодная армия впускается на ночлег даром. Далеко нет. Даже в городском ночлежном приюте, где уже по филантропическому характеру учреждения не следовало бы брать платы,—даже и в нем взимается пятачек за ночь с каждой продрогшей персоны, а если эта персона не имеет таковой пятачка,—перед ней захлопываются двери с наставлением искать даровые приюты. А так как таковых в городе нет,

¹⁾ В. Казьмин. Приюты владикавказской голытьбы. „Терские Ведомости“, 1908 г., № 41.

то оставшемуся за порогом „ночлежки“ субъекту остается только одно, именно решить дилемму: лечь на улице и замерзнуть, или оскорбить какого-нибудь прохожего и попасть в теплый арестный „клоповник“ при соответствующем месте действия полицейском участке. Случается и так, что даже имея пятак при себе ищущий ночлега субъект не может попасть в число посетителей городского ночлежного дома потому собственно, что последний бывает набит ночлежниками до пределов самой крайней возможности. В бывшие, за истекшую половину зимы, холода такое переполнение, говорят, было постоянным явлением и, повидимому, не особенно озабочивало городское самоуправление. В противном случае оно, самоуправление, приняло бы какие-либо меры, т. е. приняло бы на несколько зимних месяцев дватри чистых помещения, расход на которые не бог знает как отяготил бы городскую кассу, тем более, что при достаточном количестве ночлежных помещений было бы меньше простуженных на улице больных из неимущих, переполняющих ныне городскую больницу и требующих на свое пользование во сто крат и более расходов, всецело лежащих на ту же городскую кассу“. „И нужно ли говорить, что такая ненормальность более всего и служит причиной заноса и распространения всякого рода инфекционных заболеваний“.

„Теперь о постоянных дворах. Если в незавидном положении находится городской ночлежный приют, за которым все же есть кому смотреть, то что же можно сказать о постоянных дворах, содержимых частными лицами, для которых коммерческий интерес всегда стоит на первом плане. Здесь уже хорошего совсем мало“.

„Чтобы судить вообще о местных постоянных дворах, достаточно, разумеется, беглого описания какого-нибудь одного из них, и я возьму типом тот, который содержится грузином Ч.

Сам по себе двор поместительный, имеет длинный, просторный сарай, служащий вместе с тем и конюшнею и содержащийся довольно сносно, как помещение для загоняемого время от времени сюда скота. Зато два отхожих места, устроенных в этом дворе, превышает всякое антисанитарное безобразие. Это обстоятельство наглядно указывает на большую массу людей, посещающих эти места. И на самом деле,

в двух флигелях, расположенных по обе стороны ворот, ночует всегда масса всякого рода людей, стекающихся сюда именно только на ночь, тогда как днем эти флигели пустуют.

В флигелях этих имеются ночлежные помещения как общие, так и „особнячки“ с двумя кроватями в каждом. Эти „особнячки“ слынут под кличкою меблированных номеров и сдаются ночлежникам по произвольным ценам от 30 коп. до 2 руб. за ночь. Но их занимают только состоятельные люди—скотопромышленники, зажиточные сельчане и сельские торговцы, для которых чистота, удобство и комфорт стоят всегда на втором плане и для которых дешевизна главное. Рядом же с этими „первостепенными“ номерами идут второстепенные, каждый не более, как 4 квадр. сажени, с таким же числом кушеток, покрытых частью перетертой от долгого употребления мочалой или соломой, а частью рванью, от времени и от грязи потерявшей свойственный ей первоначальный цвет. В таком „второстепенном“ номере помещается четверо, а иногда и восьмеро на кушетках попарно, с платою по 15 коп. за кушетку. Независимо от сего на полу в одно и то же время укладывается человек 12-16, под кушетками и в промежутках между ними, с платою по пятаку. При высоте помещения в 5 арш. куб. содержание воздуха в нем составляет 6,64 куб. саж. И это иной раз на две дюжины человек.

Но есть еще и третьестепенные „номера“, т. к. „общие“, где никакой мебели нет и где за пятак ночует всякая голытьба, прямо на голом полу тесно прижимаясь друг к дружке и не оставляя места для прохода. Все такие „номера“ и „общие“ в студеную пору постоянно бывают битком набиты. Тут же просушиваются мокрые портянки, носки, чулки (в повалку спят и женщины, застигнутые ночью порою и не желающие схватить простуду на улице). Полы почти никогда не моются; старые расщелившиеся кушетки с грязными сальными наслоениями кишат клопами и пр. насекомой мерзостью. В особенности поражает своей неуместностью всякая рвань, набросанная на них вместо подстилки: ее ветхость и грязный цвет наглядно свидетельствуют о том, что она пережила не одного арендатора, и что за все время своего существования не видела ни одного из тех господ, которые числятся членами городской санитарной комиссии“.

„Я задал вопрос: наблюдает ли кто за арендаторами этих заведений, произвольно торгующими ночлежными местами. Бывает ли когда кто из господ членов городской санитарной комиссии в этих местных полутрущобах и не пора ли городскому самоуправлению решительно взяться за упорядочение ночлежного дела и дезинфекцию всех тех заведений, где, в силу необходимости, почти ежедневно собираются массы безработного и бесприютного люда“.

В следующей заметке имеется прямое указание на связь между голодом и воровством. „В нынешнем году, благодаря бога, урожай в садах хорош, лозы вполне здоровы, но город терпит такую нужду, что описать трудно. Хорошие садовладельцы закладывают свои вещи, продают даже кое-что необходимое для домашнего обихода, чтобы поддержать как-нибудь свои сады. Город, понесший в прошлом году большие лишения и убытки, теперь уже выбился из сил и влачит свое горькое существование. Благодаря такому кризису, цены на рабочих сильно упали, а вследствие этого простой люд стал голодать и прибегать к воровству. Воровство у нас совершается почти ежедневно, полиция рвется, но ничего не может поделать“. „Неужели же никто не поможет и так обедневшему от неурожаяв измученному бедному люду. Наконец, пусть же войдут в положение бедняков наши отцы города“ (Корреспонденция из гор. Кизляра. „Тер. Вед.“, 1897 г., № 84).

В таких мрачных, нечеловеческих условиях жили трудящиеся на Тереке.

Скудный заработок, едва достаточный для поддержания жизни, противоречащая самым элементарным требованиям гигиены и техники обстановка работы, скученные, грязные жилища, проституция, преступления—вот характерные черты существования бедного люда.

Ужасом веет от рассказа автора статьи: „Приюты владикавказской гольтьбы“ о том, что безработный, бесприютный человек, боясь замерзнуть зимою на улице, вынужден был подчас придрататься к какому-нибудь прохожему, нанести ему оскорбление—с тем, чтобы попасть в теплую атмосферу арестного дома.

Это лишний раз подтверждает то огромное влияние, которое оказывают физические и социальные факторы на преступность. „Борьба различных классов современного общества—говорит проф. М. Н. Гернет!)—слишком обострена, чтобы представители достаточных классов согласились „дарить“ миллионы нищим, и эти бездомные нищие, обитатели темных углов, чердаков и вонючих подвалов мстят бесознательно, а иногда и сознательно своими преступлениями „имущим, но не дающим“, и то, что не было дано на реформы экономического свойства, дается и, может быть, в еще большем размере на увеличение тюремного бюджета. Простая аксиома проф. Листа, что закон о жилищах делает гораздо более для уменьшения преступности, чем дюжина новых уголовных законов, остается для многих совершенно непонятной“.

В приведенных нами выше цитатах из заметок и статей, напечатанных в газете „Терские Ведомости“, уже встречались указания на постоянную безработицу в быв. Терской области. Однако, мы можем дополнить их еще несколькими, не менее важными фактами по этому вопросу.

В голодный 1891 год на Северном Кавказе скопилась масса безработных людей. „Было бы очень желательно—советуют „Терские Ведомости“ (1891 г., № 24)—чтобы общественные работы распространились и на Терскую область, где (особенно в Пятигорском отделе) не мало выходцев из неурожайных губерний. Общественные работы у нас найдутся, а некоторые, напр., по орошению степей Алхан-Чуртской долины и по постройке под'ездных путей должны быть признаны чрезвычайно важными и необходимыми. На эти работы можно было бы употребить выходцев из неурожайных мест, так как положение их и теперь незавидно, а при полном отсутствии работ может сделаться безвыходным. Безделье их тоже может оказаться вредным и для них и для местного населения“.

В 1892 году „Терские Ведомости“ (№ 18) сообщают, что вследствие сосредоточения в Владикавказе пришлого рабочего люда, многие из переселенцев, за отсутствием работков, вынуждены были выбыть из города и разбрестись

!) М. Гернет, Общественные причины преступности. М. 1906 г.

по соседним казачьим станицам; оставшиеся же в городе сгруппировались у базарных кабаков. „Грустно видеть—сожалеет автор хроникерской заметки—как человек, еще недавно добывавший кусок хлеба честным трудом, благодаря безделью и знакомству с подонками человеческого общества, постепенно развращается, и затем, совершенно падая нравственно, делается членом „босой команды“.

В 1894 году „Терские Ведомости“ пишут: „Ежедневно на владикавказских базарах, а также на чугунном и деревянном мостах приходится видеть массу рабочего люда, ищущего работы. Попадают здесь туземцы: осетины, грузины, не мало бывает рабочих из местного населения, но больше всего замечаются здесь российские крестьяне—мастеровые. По целым дням, а иногда и неделям, толпятся здесь рабочие „в чайнии движения воды“. Иногда, конечно, попадает им работа и всегда на самых невыгодных для них условиях, так как, просидев даром многие дни и израсходовав свои последние гроши, они, рабочие, бывают вынуждены брать работу чуть ли не за хозяйские харчи.

Нередко бывают также случаи, когда, не найдя никакой работы, бедняки целыми артелями откочевывают в соседние станицы, аулы и города. Нужно при этом заметить, что при таких условиях жизни рабочего класса, последний зачастую делается жертвой эксплуатации местных промышленников“ (№ 128).

В 1912 году в статье Вл. К—на: „О предприятии инженера Стюарта“ („Т. В.“ № 268) читаем: „Наши горцы, живущие вблизи Дарьяльского ущелья, как-то: джераховцы, санибанцы и жители Хевского ущелья, прослышав еще в прошлом году о предстоящих колоссальных работах по устройству канала для пропуска теречной воды на предположенную английско-подданным инж. Стюартом Ларскую гидро-электрическую станцию,—с великим нетерпением ждут открытия этих работ, вполне основательно рассчитывая иметь на них и для себя какой-либо заработок“.

На почве постоянной безработицы широко развилось на Терке нищенство. Об этом свидетельствуют многочисленные хроникерские заметки и статьи, встречающиеся в газете „Терские Ведомости“ за несколько десятков лет. Мы приведем из них наиболее характерные.

„В последнее время—напечатано в „Терских Ведомостях“ (Местные известия. 1897 г., № 10)—в городе появилось много нищих-попрошаек. На улицах почти на каждом шагу можно встретить „старцев“, одетых в рубище и просящих „Христа ради“. Конечно, среди них есть такие, которые нуждаются в куске хлеба, заработать который трудом они не в состоянии, но найдется также не мало и профессиональных нищих, которые свободно могли бы пропитывать себя честным трудом.

Последний тип довольно интересен. Днем вам встречается стоящий на углу улицы человек, одетый в какие-то лохмотья и слезно вымаливающий милостыню; вечером же этот „несчастный“, продав собранные куски хлеба в одном из городских кабаков, отправляется в свою квартиру, нанимаемую в одном из самых глухих переулков города, сбрасывает с себя лохмотья, переодевается в довольно прочную поддевку и идет „пить чай“ и непременно в тот трактир, в котором играет музыка. Здесь он уже не нищий: в нем вы не заметите и тени того унижения, с которым днем он просил милостыню,—здесь он держит себя с сознанием своего личного достоинства. „Пару чаю и графинчик водки, живей!“—командует он мальчишке половому. „Что же ты вилку не подал, каналья?“—грозно вопрошает он того же мальчишку. „Рассолодев“ от водки, он просит сыграть для него „Маргариту“ или „Накину черное платье“, т. е. что-нибудь минорное. Гудит, трещит машина—„музыка“, а „нищий“, грустно покачивая головой, в полголоса напевает... На утро он опять в рубище, с трясущейся головой, протягивает руку за подачкой, и так изо-дня в день.

В 1899 г., в „Тер. Ведомостях“, встречаем следующую заметку: „На бульварах, в оградах церковных, у входа в почтово-телеграфную контору вы наталкиваетесь на массу нищих—безногих, слепых, сухоруких, дряхлых стариков. Об этих нищих позаботиться необходимо, и чем скорее—тем лучше.

Есть и другая категория нищих—людей к труду способных, но или работы не находящихся, или ее обегаящих. На тех же публичных местах, где встречаете вы нищих убогих, вы встретите женщин и мужчин, способных работать. Эти люди крайне нуждаются в содействии и помощи. Пройдите по базару в любой час, и вы увидите этих праздных

В 1894 г. „Терские Ведомости“ пишут: „Издание названного закона снова стоит на очереди в правительственных сферах, а жизнь повседневная не перестает с неотразимой убедительностью свидетельствовать о необходимости возможно скорейшего осуществления законодательного акта. Он имеет своим назначением обеспечить участь и судьбу массы искалечиваемых тружеников, массы беззащитных вдов и малых сирот.“

Судебная практика последнего времени, хотя и показывает нам, что суд обыкновенно входит в положение потерпевших не менее, чем в положение предпринимателя, но, к сожалению, при неизбежном подчас применении формальных требований закона, суду иногда, волей-неволей, приходится оставлять жалобщика без удовлетворения и, таким образом, как бы являться защитником противной стороны. Вообще добиться увечному рабочему или его осиротевшей семье следуемого вознаграждения теперь крайне трудно, а потому, каждый день промедления в издании соответствующего закона является отсрочкою в предоставлении законной защиты и покровительства тем, которые в них давно и беспрерывно нуждаются.

Но в ожидании благодетельного закона, тем не менее, представляется вполне возможным проявлять кое-какие попытки к предупреждению тех несчастных случайностей, которые и подают повод одним быть истцами, а другим—ответчиками“ („По поводу закона об ответственности предпринимателей“, 1894 г., № 226).

Из мероприятий правительства в области охраны труда ранее всего попадаете постановление начальника Терской области о праздничном отдыхе.

Корреспондент из Пятигорска в 1896 г. писал: „Некоторые пятигорские торговцы, игнорируя правила и постановления начальника области о праздничном отдыхе, продолжают производить торговлю в недозволенное время“ („Терские Ведомости“, № 41).

В другой заметке, помещенной в той же газете 1899 г. (№ 42), снова встречается указание на игнорирование постановления начальника области: „Такие купцы не понимают, или, вернее, прикидываются непонимающими, что магазины должны быть закрыты до 12 час. дня и после 4 ч.

пополудни не для того, чтобы не торговать, а чтобы этим дать отдых служащим, трудом которых они нажили и увеличивают свое состояние“.

Нужно заметить, что постановление о праздничном отдыхе, касалось только служащих торговых предприятий. Положение, напр., прислуги продолжало оставаться бесправным. „Нормировки труда, определения права на отдых, уровня заработной платы—нет“ („Т. В.“, 1913 г., № 177). Между тем, еще в 1902 г. передовая статья в „Терских Ведомостях“ заканчивалась пожеланием об издании обязательного постановления о правах и порядке эксплуатации прислуги (№ 37).

Циркуляр об охране труда на заводах и фабриках издан был лишь в 1912 г. („Т. В.“, № 254), в связи с учреждением фабричной инспекции. Распоряжение это приведено уже нами на стр. 80.

Таким образом, администрация в отношении хотя бы частичного разрешения рабочего вопроса проявила слишком мало внимания.

Гораздо больше инициативы в деле смягчения тяжелого положения пролетариата мы замечаем у местного общества, филантропическая деятельность которого выразилась в устройстве различных благотворительных организаций: обществ, „домов трудолюбия“, трудовых пунктов.

С деятельностью городских самоуправлений, связанной с установлением праздничного отдыха для приказчиков, мы уже ознакомились выше.

Посмотрим теперь, как протекала работа благотворительных обществ.

В 1896 г., в „Терских Ведомостях“, напечатана была статья о благотворительности в Моздоке следующего содержания.

„Продолжительная и суровая по здешним местам зима тяжело отразилась на моздокской бедноте и голи перекаточной. Здесь и вообще-то меньшая братия еле перебивается, а тут еще небывалая продолжительная зима, потребовавшая совершенно непредвиденных расходов на отопление, а топливо-то именно в истекшем году и начале нынешнего кусалось по той простой причине, что доставка дров на быках

людей в самых животных позах спящих или так лежащих на тех самых прилавках, с которых продают торговки свежий хлеб, легко воспринимающий аромат от этой праздной босоногой команды" (К вопросу о борьбе с нищенством. „Т. В.“, 1899 г., № 116).

А вот прямое указание на Владикавказ, как на редкий город нищих. „Владикавказ—редкий город на Кавказе по количеству нищих. Ежедневно с утра до ночи на улицах, бульварах и на папертях церквей можно встретить массы просящих подающие люди, то одиночных, та стоящих целыми группами. Тяжелое впечатление производят все эти люди" (Владикавказ, 6 июля. „Т. В.“, 1901 г., № 80).

„Как известно,—пишет Ш. в своих „Наблюдениях и заметках" („Тер. Вед.“, 1901 г., № 169)—в числе достопримечательностей Владикавказа фигурирует огромное количество нищих. Владикавказ, по преимуществу, город двадцатого числа. Здесь нет крупной промышленности, в которой могли бы пристроиться сотни голодающих и холодающих: потому-то, вероятно, на наших улицах и встречается такая масса просящих подающие. К тому же Владикавказ лежит на перепутьи между внутренней Россией, высылающей ежегодно целую армию крестьян на заработки, и нефтяными промыслами, где эти заработки чаще всего находятся. А так как нынешний год оказался очень тяжелым и для внутренних губерний и для кавказских нефтяных промыслов, то в Владикавказе и собираются большие массы безработного люда. Одни находятся здесь по пути на родину, другие тянутся еще в Баку и в Грозный, не зная о нефтяном кризисе, но те и другие находятся одинаково в бедственном положении"

Передовая статья: „Владикавказ, 5 февраля" называет нищенство „вечно большим вопросом Владикавказа" („Тер. Вед.“), 1902 г., № 29). „Вечно большой вопрос Владикавказа—нищенство—обостряется иногда особенно сильно, благодаря стечению печальных обстоятельств. Это особенно наблюдается в последнее время. Главные и самые людные улицы города заполнены толпами людей здоровых, трудоспособных и, однако, эти люди, протягивающие руку, производят самое удручающее впечатление. Если вы порасспросите их, то всегда почти получите один и тот же ответ. Прошлогодний голод во внутренней России вызвал большой прилив рабочих

на Кавказ, преимущественно, на нефтяные промысла; но здесь им не посчастливилось: нефтяной кризис заставил сильно сократить число рабочих в Баку и в Грозном, и вот, вытесненные с двух сторон—с родины голодом, а с нефтяных промыслов кризисом—они очутились на перепутьи, у нас в Владикавказе. Здесь они живут изо-дня в день исключительно частной благотворительностью—ни одно еще общественное учреждение наше не подало им помощи".

Владикавказским полицеймейстером в 1902 году, ввиду развившегося в Владикавказе нищенства, был издан следующий любопытный приказ:

„Мною усмотрено, что в городе, в последнее время, появилась масса нищих, как взрослых, так и детей, при чем многие из них калеки, появляясь, главным образом, для испрашивания милостыни на Александровском проспекте, производят на публику неприятное впечатление, а некоторые отличаются таким нахальством и дерзостью при испрашивании милостыни у проходящих, что возбуждают в публике ропот на слабый надзор, полиции в данном случае. Ввиду этого, предлагаю г.г. исполнительным чиновникам немедленно же принять строжайшие меры к устранению этого безобразия, учредив надзор, как лично, так и через посредство городских за непоявлением на улицах попрошайек, которых при первом же появлении на улицах задерживать и представлять мне" („Тер. Вед.“, 1902 г., № 68).

Безработица и нищенство, как об этом говорят газетные корреспонденты, являлись большими вопросами не только Владикавказа, но и других городов Терской области.

Итак, мы ознакомились с тяжелым правовым и материальным положением рабочих и трудовой интеллигенции на Тереке.

Возникает теперь вопрос: какие же мы наблюдаем здесь формы разрешения рабочей проблемы?

Формы эти можно разбить на три группы: 1) факторы правительственного порядка, 2) общественные, 3) наконец, третий фактор—сам рабочий класс с его инициативой.

Деятельность правительства по законодательной охране труда протекала значительно слабее, чем деятельность общества.

К 1894 году не было еще издано закона об ответственности предпринимателей.

с правой стороны Терека, по случаю чумы, не имела места. Заработки же в Моздоке, особенно зимние, сводятся почти что к нулю. Изложенные неблагоприятные обстоятельства и заставили, наконец, Моздокское благотворительное общество пробудиться после продолжительного летаргического сна к более или менее деятельной жизни.

Существует оно с 1886 года. Говорят, что общество это в 1889 году также проявляло явные признаки деятельной жизни, но потом... потом, вероятно, утомившись от слишком большого напряжения сил, оно уснуло, очевидно, крепким сном. Следует ли из этого, что с 1889 г. по настоящее время нужда не стучалась в двери моздокских бедняков, что последние за это время не нуждались в помощи старшей братии, более богатой и умственным и денежным капиталом. Конечно, нет. Мы имеем дело, в данном случае, с печальным фактом продолжительного бездействия благотворительного общества.

Пробуждение благотворительного общества выразилось в следующем: в феврале, к председателю благотворительного общества, явились двое членов правления общества и, изложив ему бедственное положение, в котором очутилось не малое количество семейств недостаточного класса, предложили сделать что-нибудь к немедленному облегчению бедствия.

Правление решило немедленно, разбившись на группы по 2-3 человека, обойти все части города и, удостоверившись на месте в степени нужды каждой семьи, выдавать сейчас же на руки билетки на право получения кому воза дров, кому муки (1—1½ п.), кому пшеница (½ п.—1 п.), а кому и того, и другого, и третьего. На второй и последний дни после обхода нуждающиеся по своим билетам уже получали от указанных председателем лиц назначенные им продукты. Всех, воспользовавшихся пособием, по сведениям, любезно сообщенным нам председателем, оказалось 168.

Не лишено любопытства распределение воспользовавшихся пособием по национальностям. Так, из армян, составляющих большинство моздокского населения, воспользовались пособием 74 семьи, русских—43, черкесов—24, грузин—14 и осетин—13. Значительное число воспользовавшихся пособием—вдовы.

Всего роздано собственно от благотворительного общества: муки—213 пуд. 20 фун., пшеница—78 пуд. 20 фун. и 4 саж. дров на сумму 203 руб. 70 коп. Кроме того, городская управа пожертвовала от себя 127 возов хвороста и гражданин С.—31 п. 26 фун. муки“ („Т. В.“, 1896 г., № 36).

В 1897 году передовая статья в газете „Терские Ведомости“: „Общественная благотворительность“ (№ 39) призывает „не к копеечной подачке, а к деятельному сочувствию основанию в Владикавказе, как центре Терской области, „Дома трудолюбия“, где сирые и убогие, хилые и увечные, старые и молодые, словом, все, гонимые злой мачехой судьбой, нашли бы необходимое убежище от голода, холода за известный, соответствующий их силам, способностям и уменью честный труд, защищающий их от губительной, все разрушающей праздности и страшного соблазна, часто привлекающих своих адептов на скамью подсудимых“.

В том же году та же газета помещает статью о состоянии благотворительного дела в Терской области.

„Для оказания помощи бедным—пишет автор статьи¹⁾— в Терской области существуют войсковые, городские и частные благотворительные учреждения. Приводим краткие сведения о их деятельности за истекший год.

Для оказания пособий бедным войскового сословия Терское войско имеет специальные капиталы; сведения о беднейших казаках собираются через посредство местных войсковых учреждений, донесения которых рассматриваются в областном правлении, где и распределяются пособия три раза в год: в марте, августе и декабре месяцах. В 1896 г. просьб о выдаче единовременных пособий поступило 94, по которым выданы пособия 67 лицам, в размере от 3 до 50 руб. каждому; всего выдано пособий на 1.000 рублей.

Кроме выдачи единовременных пособий, из войсковых сумм ежегодно производится уплата госпиталю и больницам военного и гражданского ведомств за пользование в них неимущих больных войскового сословия, бедность которых удостоверяется приговорами станичных обществ. В 1896 г. на этот предмет израсходовано 209 руб. 35 коп.

¹⁾ Г. В. Общественное призрение и благотворительность в Терской области (Новейшая статистика). „Тер. Вед.“, 1897 г., № 113.

Городские общественные благотворительные учреждения существуют только в г. Владикавказе, в коем насчитывается три таких учреждения: 1) городской ночлежный дом, 2) городской приют для престарелых и увечных и 3) городской приют для душевно-больных. Кроме того, из городских общественных сумм г. Владикавказа выдается ежегодное пособие обществу попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказа, Михайловской лечебнице, бесплатной чайной, и производятся расходы на воспитание подкидышей.

Городские благотворительные учреждения содержатся на средства, ежегодно ассигнуемые городским управлением, при содействии частных лиц, жертвующих деньгами и вещами; кроме того, антрепринеры городского театра, на основании существующих постановлений городской думы, обязуются давать по два спектакля в течение каждого зимнего театрального сезона, сбор с которых обращается на усиление средств городского приюта для престарелых и увечных.

В 1896 г. на содержание городских общественных благотворительных учреждений из сумм г. Владикавказа израсходовано: на содержание ночлежного дома 259 р. 60 к., на содержание приюта для престарелых и увечных 1.000 руб., на содержание приюта для душевно-больных 2.614 р. 85 к., на воспитание подкидышей 1.319 руб. 26 коп., в пособие Михайловской бесплатной лечебнице 2.500 р., на содержание бесплатной чайной 240 р., итого 7933 р. 71 к.

Кроме того, из городских сумм выдано закавказскому попечительству о слепых 200 руб. и ассигнованно в пособие обществу попечения о сиротах и бедных детях г. Владикавказа 300 руб., но деньги эти выданы не были и остались в долгу за городом.

Частных благотворительных учреждений в Терской области насчитывается девять: 1) Владикавказское благотворительное общество, 2) Пятигорское благотворительное общество, 3) Грозненское благотворительное общество, 4) Кизлярское благотворительное общество, 5) Моздокское благотворительное общество, 6) Владикавказское общество вспомоществования учащимся, 7) Владикавказское общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области, 8) Общество попечения о сиротах

и бедных детей г. Владикавказа, 9) Пятигорское Мефодиевское общество вспомоществования беднейшим ученикам 3-х классного училища.

Всеми частными благотворительными обществами в 1896 г. израсходованы следующие суммы:

Владикавказское благотворительное об-во:	4.160 р. 96 к.
Пятигорское " "	16.793 " 89 "
Грозненское " "	5.003 " 29 "
Кизлярское " "	3.313 " 27 "
Моздокское " "	441 " 30 "
Владикавказское общество помощ. учащимся	2.455 " 34 "
" " распростран. образ. среди горцев	1.433 " 79 "
О-во попечен. о сирот. и бедн. детях г. Вл-за	2.503 " 28 "
Пятигорское об-во вспомоществ. учащимся	1.637 " — "

Итого . 37.742 р. 20 к.

Таким образом, годовой расход на дела общественного призрения и благотворения в Терской области достиг: из войсковых сумм 1.209 р. 35 коп., из городских 8.133 р. 71 коп., из сумм частных обществ 37.742 р. 20 коп., а всего 47.085 р. 26 коп.

Население Терской области исчисляется цифрою 90^{1/2} тыс. душ. Следовательно, на каждую, душу, в среднем, приходится около 50 коп. расхода на дела благотворения.

Относительно источников, из которых благотворительные общества получали средства на свои операции, мы располагаем точными сведениями только шести обществ, общий годовой расход которых равняется 28.630 р. 97 коп. Из них было собрано от устроенных обществами лотерей-аллегрй 11.142 р. 99 коп. или 38,9% и благотворительных спектаклей 3.470 р. 64 коп. или 12,1%. Следовательно, все остальные источники: членские взносы, пожертвования, проценты на капитал, пособия от городов и пр. составляют 49% или менее половины всех вообще средств, которыми располагают благотворительные общества.

В 1899 году „Терские Ведомости“ (№ 116) снова указывают на необходимость устройства домов трудолюбия и рабочих домов для борьбы с нищенством; содержание их „не только окупается заработной платою, но дает еще экономиию на случай непредвиденных расходов“.

В 1901 году газета, сообщая о закрытии частной справочной конторы, высказывается за учреждение подобного бюро при городском управлении (№ 74).

Говоря о филантропической деятельности общества, нельзя не указать на выработанный пятигорской организацией пособия бедным способ благотворительности. „Состоит он в том, что общество продает особые благотворительные копеечные и полукопеечные марки, которые и предлагает благотворителям для раздачи нищим взамен денег. Каждый, получивший в виде милостыни такую марку, может приобрести на нее только обед и чай в столовой общества; нигде в других местах, разумеется, эти марки не принимаются и не имеют ценности. Милостыня, поданная в такой форме, оказывается настоящею евангельскою милостынею, потому что она идет на удовлетворение самой насущной потребности человека, но водки на нее уже никак нельзя приобрести. И практика показала, что люди, делающие из попрошайничества ремесло, очень не любят таких марок, они скоро перестают даже посещать те дома в Пятигорске, где им предлагают марки“ (Владикавказ, 6-го июля. „Терские Ведомости“, 1901 г., № 80).

О деятельности пятигорского общества пособия бедным мы узнали из № 61 „Терских Ведомостей“ за 1903 год. „Несколько лет назад в Пятигорске создалось общество пособия бедным. О широкой разносторонней деятельности этого общества могут дать понятие следующие факты: Библиотека общества насчитывает в настоящее время более 1.100 человек подписчиков, не считая массы народа, читающей газеты и журналы на месте, в чайной-столовой. Помимо этого, общество приступило к устройству народных спектаклей. Предполагается устроить зал для народной аудитории и театра, а также ночлежный пункт с рабочим домом“.

В Владикавказе культурно-просветительную работу среди пролетарского населения вело „Общество по устройству народных чтений“. По инициативе председателя этого Общества Н. Я. Нигровского положено было основание организации „Народного Дома“. Постройка его началась незадолго до мировой войны, но до сих пор еще, к сожалению, не закончена.

В деятельности некоторых благотворительных организаций можно отметить стремление к объединению на почве экономии средств и сил в деле помощи нуждающимся гражданам.

В конце 1905 года, по сообщению пятигорского корреспондента „Терских Ведомостей“, в Пятигорске учрежден был комитет для оказания помощи безработным. На одном из заседаний комитета был поднят и решен утвердительно вопрос об учреждении постоянного объединенного комитета из представителей городского самоуправления, управления Кавказских минеральных вод, местного отделения Красного креста, попечительства о народной трезвости и всех местных благотворительных обществ—с целью организации в Пятигорске работного и ночлежного домов для борьбы с нищенством („Т. В.“, 1906 г., № 58).

В Владикавказе „Трудовой Дом“ открыт был 25 декабря 1902 г. С этого момента по 25 декабря 1903 г. деятельность „Трудового Дома“ выразилась, главным образом, в предоставлении беднякам ночлега за плату и бесплатно; плата взималась в размере трех копеек за ночь с человека. При „Трудовом Доме“ существовал „Трудовой пункт“, предоставлявший возможность беднейшим женщинам Владикавказа за десять копеек в день пользоваться всем необходимым для шитья. „Трудовой пункт“ принимал заказы, как от частных лиц, так и от учреждений; кроме того, там же можно было учиться кройке и шитью за плату: помесечно 2 руб., полгода 9 руб., год 15 руб. С беднейших девушек плата взималась в размере одного рубля в месяц. В 1904 г., в отделе „Местные известия“, „Терские Ведомости“ отметили, что деятельность „Трудового пункта“ значительно расширилась. Все расходы покрывались из доходов, поступающих за выполненные заказы (№ 220).

Все мероприятия общества, направленные к урегулированию рабочего вопроса, были каплей в огромном море беспросветной нужды, которую испытывали трудящиеся массы в городах на Тереке, ибо средства благотворительных организаций составлялись, главным образом, из членских взносов и от устройства раз или два раза в год лотерей-аллегри.

Переходя к третьему фактору разрешения рабочего вопроса—к рабочему классу, мы устанавливаем у него слабую деятельность в отношении культурной и экономической самоорганизации, причиной чему служат политические условия дореволюционного времени.

Между тем, трудящиеся хорошо сознавали всю пользу единения.

В 1889 году, по сообщению „Тер. Вел.“ (№ 34), „местные кузнецы праздновали свой цеховой праздник во имя св. великомученика Георгия. После молебна, в помещении ремесленной управы, присутствующим была предложена скромная закуска с не менее скромной выпивкой. Этот народный праздник отличался простотой и задушевностью“.

На страницах „Терских Веломостей“ мы находим, между прочим, призыв к самопомощи. „Организовать такую или другую форму самопомощи не только наше право, но это священная нравственная обязанность наша, наш долг перед нашими близкими. Мы должны облегчить им тяжелое бремя нужды, когда нас не станет. В этом чувстве долга могут и должны объединиться все, коим дорога семья, дорого сознание, что семья эта и по моей смерти будет жить некоторое время моею заботою о ней“ (Ф. А. Несколько слов по вопросу о самопомощи среди населения. „Терские Веломости“, 1899 г., № 59).

В следующем, 1900 году, в Владикавказе открыто было „Общество приказчиков“. „Нарождение“, „Общества приказчиков“—пишут „Терские Ведомости“—тем более приятно, что нет, кажется, на свете корпорации, более угнетенной и загнанной, чем приказчики. Есть, пожалуй, еще домашняя прислуга—люди, замечательные тем, что у них имеется множество обязанностей и совсем почти нет прав; но прислуга, по крайней мере, имеет ту выгоду, что в Владикавказе ей всегда легко найти заработок, а приказчик, лишившийся должности (в большинстве случаев человек семейный), рискует умереть с голоду“ (Наблюдения и заметки. 1900 г., № 136).

В 1906 г. среди кисловодских ресторанных служащих возникла мысль об организации артели. „В Кисловодске составилось общество, именуемое себя: Константиновская артель ресторанных дела“. Содержатели ресторанов, гости-

ниц и т. п. заведений эксплуатировали на курорте мелких служащих: швейцаров, поваров, официантов. насколько позволяли обстоятельства. Последние, убедившись, что, работая в одиночку, им никогда не видеть материального благополучия, решили составить профессиональный союз для защиты своих интересов“. Заметка заканчивается словами: „Борьба труда и капитала вступает в свои права (К. П. Союз тружеников. „Т. В.“, 1906 г., № 23).

Таковы немногие сведения об организации рабочих в культурном и материальном отношениях. Организационная деятельность в этой области, благодаря политическим условиям, разумеется, не могла быть проявлена шире.

Наконец, среди способов разрешения рабочего вопроса, исходивших от самих трудящихся, мы констатируем на Тереке отдельные забастовки, а в 1905 и 1917 годах мы видим здесь рабочий класс на арене революционного движения.

И вот, Лорис-Меликов вместе с Кундуховым организуют переселение горцев в Турцию. Результаты этого начинания оказались трагическими: масса переселенцев вымерла от голода и эпидемических болезней.

Проблема малоземелья разрешена не была, и земельный вопрос не сходил со страниц местного официального органа печати; административные органы также не могли пройти мимо назревшего аграрного вопроса, но деятельность их ограничивалась, главным образом, собиранием материалов о земельном положении края.

Как на основании официальных архивных данных, так и других материалов: статей и заметок, помещенных в газете „Терские Ведомости“ и работ некоторых местных исследователей, мы пришли к заключению о сложности земельного вопроса на плоскости и, в особенности, в Нагорной полосе бывшей Терской области.

Малоземелье на Тереке осложнялось существованием здесь сословного вопроса у некоторых горских народов (осетин и кабардинцев).

У кабардинцев, осетин и кумыков мы наблюдаем сословную дифференциацию: с одной стороны т. наз. высшее, привилегированное сословие с громадным количеством земель, с другой—зависимое сословие.

Представители высшего сословия на протяжении десятилетий пытались сохранить за собою свои привилегии.

Газетные статьи, кроме того, указывают нам на наличность классовой борьбы в горской деревне.

Все это свидетельствует о том, насколько остро стоял земельный вопрос на Тереке.

Широкие крестьянские массы искали выхода из тяжелого экономического положения.

Формы разрешения аграрного вопроса крестьянами следующие: переселение с гор на плоскость, коллективная покупка земель в собственность, кустарная промышленность, аренда, воровство, грабежи, разбои, детоубийство, эмиграция горцев за границу, аграрные движения.

Положение трудящихся в городах на Тереке не лучше положения горского крестьянства.

V.

ОБЩИЕ ИТОГИ.

Национальный вопрос в старой России не сходил с поверхности общественно-политической жизни страны. Национальная политика Петербурга по отношению к народностям, входившим в состав бывшей Российской империи, основывалась на принципе: „разделяй и властвуй“. Во главе административного управления назначались лица, осуществлявшие этот принцип в своей повседневной деятельности. Жизнь кавказских народов проходила под знаком гнета краевой бюрократии. Административный произвол, натравливание одной нацию на другую, стремление к руссификации, подчас связь с уголовными элементами, взяточничество, индифферентизм по отношению к развитию культуры и экономической мощи в крае—такова в кратких словах характеристика краевой администрации.

Что касается аграрного вопроса, то он принял в крае острую форму. Хотя главнокомандующий отдельным корпусом генерал-адъютант граф Воронцов в своей прокламации горским народам в 1845 году и писал, что земли горцев будут сохранены за ними навсегда на праве собственности и останутся „без всякого изменения“, но обещание это скоро было нарушено: часть горской территории, по политическим мотивам, заселили, в порядке военных приказов, казачьими полками.

Отсюда—сокращение земельной площади у горских народов.

Однако, так как малоземелье, в свою очередь, создало среди горцев благоприятную почву для недовольства и волнений, то возник вопрос о необходимости разрешить аграрную проблему.

Фабрично-заводская промышленность на Тереке, после окончания Кавказской войны и умиротворения края, вступила на путь развития. Рос и рабочий класс.

Правовое и экономическое положение его было крайне тяжелым: мы наблюдаем отсутствие нормировки труда, ничем не сдерживаемый произвол со стороны нанимателей, бесправие, низкую заработную плату, жилищную нужду, безработицу, нищенство.

В разрешении же рабочего вопроса участвовали: администрация, общество и, наконец, рабочий класс с своей инициативой.

Деятельность администрации в области разрешения рабочего вопроса протекала в очень слабой степени.

Деятельность общества в облегчении тяжелого положения трудящихся в городах выразилась в учреждении благотворительных организаций.

Но ни администрация, ни общество не могли улучшить правовое и материальное положение трудящихся в городах.

В течение десятилетий участь их оставалась беспросветной.

Таковы социально-экономические основы революции 1905 года и февральской революции 1917 года на Тереке.

Обострившиеся классовые противоречия приводят к созданию в 1902 году Терско-Дагестанского комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

И, время от времени, на Тереке вспыхивают отдельные забастовки, а в 1905 и 1917 годах мы видим здесь рабочий класс, как движущую силу революций.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От автора	1
Глава I. Национальный вопрос.	
Больная страна.—Петербург и народы б. Российской империи.—Положение окраин.—Еврейский вопрос.	3—6
Глава II. Краевая администрация.	
Кавказ под гнетом бюрократии.—Кн. Голицын.—Закрытие национальных школ.—Захват армянского церковного имущества.—Отношение к развитию культуры и самостоятельности у кавказских народов.—Кровавые игры.—Кавказский запрос в Государственной Думе.—Терская администрация.—Член Гос. Думы Гайдаров о положении горцев.—Политика „разделяй и властвуй“.—Произвол.—Пуришкевич о терских администраторах.—Преступный элемент у власти.—Бесплодные стремления масс к свету.—Бездорожье.—Отсутствие агрономической помощи населению.—Вопрос о земстве в Терской обл.	7—27
Глава III. Аграрный вопрос.	
Прокламация графа Воронцова горским народам 1845 г.—Прокламация кн. Барятинского 1850 г.—Рапорт командующего войсками Терской области об уменьшении пошатн с горцев.—Указание в рапорте на переселение горцев из аулов.—Мотив переселения.—Данные о переселении.—Малоземелье.—Письмо Лорис-Меликова по этому вопросу.—Переселение горцев в Турцию, как способ решения вопроса о малоземелье.—Одобрение переселения в Турцию краевой властью.—Условия ген. Кундухова по переселению.—Письма его из Константинополя о переговорах с турецким правительством и о первых шагах переселения.—Трагические результаты переселения.—Земельный вопрос остается открытым.—Признание Воронцова Дашкова об отсутствии забот о крестьянстве.—Учреждение комиссии по рассмотрению аграрного вопроса в Нагорной полосе Терской области.—Печать о земельных делах.—Природа Нагорной полосы.—	

Земельное положение жителей Нагорной полосы.—Земельная нужда у плоскостных горцев.—Осложнение малоземелья наличием у некоторых горских народов землевладельческого дворянства.—Князья и крепостные в Кабарде.—Сословное деление в Осетии и у кумыков.—Борьба землевладельческого дворянства за привилегированное положение.—Классовая борьба в деревне.—Земельный вопрос на страницах „Терских Ведомостей“.—Средства для разрешения аграрного вопроса: правительственные и крестьянские.—Воровство, грабежи, разбои.—Детоубийство.—Переселение с гор на плоскость.—Коллективная покупка земель в собственность.—Аренда.—Эмиграция горцев за рубеж.—Аграрные движения.

28—68

Глава IV. Положение трудящихся в городах.

Рост фабрично-заводской промышленности и рабочего класса.—Правовое положение.—Отсутствие законов о порядке найма и увольнения рабочих.—Рабочий день.—Вопрос о праздничном отдыхе.—Нарушения постановлений о воскресном отдыхе.—Отсутствие законов об охране труда.—Несчастные случаи.—Голоса за введение фабричной инспекции.—Экономическое положение.—Заработная плата.—Детский труд.—Женский труд.—Жилищный вопрос.—Связь между преступностью и жилищным кризисом.—Безработица и нищенство.—Формы разрешения рабочего вопроса.

69—109

Глава V. Общие итоги.

110—112

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

- Фабрично-заводская промышленность на Тереке.**—Предисловие проф. М. Н. Соболева.—Изд. Сев.-Кав. Инст. Краеведения. Владикавказ, 1924 г., стр. 76.
- Богатства Терского Края.**—Изд. Сев.-Кав. Института Краеведения. Владикавказ, 1922 г., стр. 8. (Изд. разошлось).
- Наша торговля с Персией.**—Журнал „Новый Экономист“ (орган проф. П. П. Мигулина), Петр., 1917 г., № 18.
- Экономическое положение современной Галиции.**—Жур. „Неделя Вестника Знания“, под ред. В. В. Битнера, Петр., 1915 г., № 2.
- Турецкая Армения в экономическом отношении.**—Жур. „Неделя Вестника Знания“, Петр., 1916 г., № 6.
- Армянский вопрос.**—Жур. „Неделя Вестника Знания“, Петр., 1915 г., № 10.
- О культурно-просветительных обществах „Вестника Знания“.**—Владикавказ, 1912 г., стр. 16.
- О страховании рабочих.**—Жур. „Неделя Вестника Знания“, Петр., 1911 г., № 16.

8889
A
ИЗДАНИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСК. ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ

Беме, Л. Б. К биологии животных Северного Кавказа. Владикавказ, 1925 г., 41 стр.

„Горский Сельско-Хозяйственный Институт“. Владикавказ, 1924 г., 13 стр. (отт. журнала „Краеведение на Кавказе“).

„Краеведение на Кавказе“. Обще-Кавказский научно-информационный журнал, № 1, Владикавказ, 1924 г., 120 стр.

Мартirosian, Г. К. Богатства Терского Края. Владикавказ, 1922 г., 8 стр. (Изд. разошлось).

Мартirosian, Г. К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. Предисловие проф. М. Н. Соболева. Владикавказ, 76 стр.

„Северо-Кавказский Институт Краеведения“. Владикавказ, 1924 г., 14 стр. (отт. журн. „Краеведение на Кавказе“).

Семенов, Л. П. Государственный Научный Музей г. Владикавказа при Северо-Кавказском Институте Краеведения. Владикавказ, 1925 г., 24 стр.

Щеблыкин, И. П. Путеводитель по Военно-Грузинской дороге. Владикавказ, 1925 г., 74 стр.